

**ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Э. К. ПИМЕНОВА

ГОЛОДОВКА
у Северного полюса

(ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Издание 4
исправленное и дополненное

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА**

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА.

(Звездочкой помечены впервые издаваемые книги, остальные же вновь проредактированы).

АСТРОНОМИЯ И МАТЕМАТИКА.

Вышли из печати:

1. *Михайлов, А. А. О солнечных затмениях. (1)
2. Ройтман, Д. Форма и движение земли. (17)
3. *Эпик, Э. Солнце по новейшим исследованиям. (23)
4. *Фишер, И. Исчисление бесконечно-малых. (13)

БИОЛОГИЯ.

1. *Алексеев, Ю. О. О происхождении животных и человека. (3)
2. *Анучин, Д. Н. Происхождение человека. (22)
3. *Беркова, К. Н. Сущность жизни, ее происхождение и развитие (57)
4. Гессе, Р. О происхождении видов и дарвинизм (40)
5. Костычев, С. О появлении жизни на земле. (7)
6. Тимирязев, К. А. Значение науки. (Луи Пастер) (23)
7. *Шеффер, А. Жизнь, ее природа, происхождение и развитие (9)

БОТАНИКА.

1. Вагнер, Ю. Рассказы о том, как живут и работают растения. (30)
2. Морозов, Г. Ф. Лес, как растительное сообщество. (36)
3. Порецкий, С. Друзья растений. (55)
4. " Зеленый мир. (16)
5. " Растения дармоеды. (44)
6. " Растения и свет. (42)
7. " Как растения защищаются от врагов. (29)
8. " Как растения защищаются от засухи, сырости и холода. (37)
9. Тимирязев, К. А. Борьба растений с засухой. (26)

ЗООЛОГИЯ.

1. Богданов, М. Мирские захребетники. (45)
2. Вагнер, Ю. Рассказы о животных. (32)
3. Воронков, Н. В. По пресным водам. (15)
4. Кайгородов, Д. Черная семья. (28)

ПСИХОЛОГИЯ, ФИЗИОЛОГИЯ и ГИГИЕНА.

1. *Аркин, Е. А. Мозг и душа. (8)
2. Елачич, Е. О душевной деятельности животных (41)
3. *Каммерер, П. О моложении и продлении личной жизни. (10)
4. *Никитинский, Я. Я. стакан воды. (56)
5. Немилов, А. Внутренние двигатели человеческого тела (гормоны). (59)

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПИМЕНОВА, Э. К.

ГОЛОДОВКА

У СЕВЕРНОГО ПОЛЮСА

(ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЛЯРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ)

Издание 4-е, исправленное и дополненное

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

1922

ГЛАВЛИТ, Москва, № 2538.

Гиз 3.430.

5.000.

Трудовой Кооператив «Печатный Техник», арендатор 21-й типогр. М.С.Н.Х.,
бывш. Желудкова, Большая Якиманка, д. 92.

ВВЕДЕНИЕ.

Стремление найти удобный и прямой путь в богатые страны Южной Азии привело Колумба к открытию Америки; оно же вызвало и первые путешествия по Северному океану. Смелые английские и голландские моряки, проникшие в XVI веке на своих парусных суденышках в область вечных полярных льдов, вовсе не имели целью добраться до северного полюса. Тогда еще он не манил никого, и цель всех этих путешествий была — открыть новые морские пути в Китай и Индию.

Уже тогда ученые думали, что у полюса находится открытое, свободное от льда море. Но моря этого никто не видал, так как ни один путешественник не проникал дальше 80° с. ш. Мало-помалу северный полюс начал оказывать свое притягательное действие, и первоначальная цель — открытие морского пути — постепенно уступила место другой: путешественники забыли о выгодах европейской торговли, и на сцену выступила научная любознательность — бескорыстное стремление расширить область человеческого знания, желание проникнуть в тайну северного полюса. Экспедиции

снаряжались за экспедициями, и, начиная с шестидесятых годов нашего столетия, северный полюс подвергся настоящему нашествию путешественников. Многие из этих смельчаков платились за свою отвагу жизнью; но рвение не ослабевало, и каждый, отправляясь в путешествие, мечтал, что он-то и будет счастливцем, нога которого коснется этого недоступного таинственного места земного шара.

Люди во что бы то ни стало хотят покорить себе неприступные полярные страны, не взирая ни на какие опасности, и стремятся доказать, что человеческий гений и настойчивость побеждают все препятствия. История всяких путешествий и исследований переполнена мрачными страницами, окрашена кровью героев, мужественно жертвующих своею жизнью ради идеи; но история полярных путешествий и открытий особенно богата такими мрачными эпизодами. Бесчисленные жертвы, которые были принесены идее открытия северного полюса, и масса людей погибла в полярных льдах.

Но каждая из полярных экспедиций непременно делала и новый вклад в сокровищницу человеческих знаний, расширяла все более и более область этих знаний; поэтому неудивительно, что, несмотря на все неудачи, всякий раз возникали планы новых и новых экспедиций. В 1875 году государства Европы и Соед. Штаты Америки созвали международный конгресс для обсуждения средств, какими легче была бы достигнута всем желательная цель. Лейтенант Вейпрехт и граф Вильчек, имена

которых неразрывно связаны с историей полярных открытий, внесли на этот конгресс проект устройства станций в разных уже исследованных пунктах полярной области.

Проект был одобрен международным полярным конгрессом, и решено было учреждение двенадцати полярных станций, устройство которых взяли на себя: Россия, Англия, Соединенные Штаты, Германия, Голландия, Швеция, Норвегия, Нидерланды и Франция. Конгресс собирался еще два раза: в Берне в 1880 году и у нас в Петрограде в 1881 году и выработал программы экспедиций и занятий на полярных станциях. Программы эти были очень обширны и в них входили все наблюдения, какие только можно было производить на земле, на льду, в воздухе и воде.

Северо-Американские Соединенные Штаты взяли на себя устройство двух станций на самых северных пунктах своего материка. Одна была устроена в сравнительно благоприятных условиях; другая же должна была занимать самое северное положение из всех, и поэтому устройство ее сопряжено было с наибольшими затруднениями и опасностями; но зато она-то и должна была доставить наибольшее количество драгоценных научных сведений.

Правительство Соединенных Штатов дало все нужные средства для устройства станции и поручило это дело лейтенанту Грили, зарекомендовавшему себя своими серьезными научными познаниями и опытностью. Помощником Грили был

назначен лейтенант Локвуд, молодой, энергичный и преданный делу человек; кроме них в состав экспедиции вошло одиннадцать сержантов, добровольно согласившихся участвовать в предприятии, капрал, фельдшер и шесть человек солдат.

Историю этой научной экспедиции мы намерены изложить в настоящей книжке.

ГЛАВА I.

Отъезд. — Снаряжение судна „Протей“. — Экспедиция отправляется за доктором Пави. — Белый медведь. — Замечательная охота. — Форт Конгер.

14-го июля 1881 года лейтенант Грили и его товарищи вступили на палубу судна „Протей“, которое должно было унести их далеко за пределы обитаемых местностей, в суровое царство вечных льдов и мрака, бесконечно длинной полярной ночи.

Громадная толпа народа провожала их. Большинство отъезжавших были люди семейные. Матери, жены, дети рыдали, прощаясь с ними; друзья и знакомые без конца пожимали им руки и повторяли самые искренние пожелания успеха. Почти никто даже из посторонних людей не пришел с пустыми руками: всякому хотелось дать отъезжающему хоть какую-нибудь безделицу, которая могла принести им пользу или доставить удовольствие. „Протей“ был достаточно снабжен всем необходимым, и все-таки на него приносили все новые бочки вина, ящики консервов, запасы теплых вещей; книгопродавцы и издатели доставили столько книг, что сразу образовалась довольно

богатая библиотека. Жена лейтенанта Грили вручила ему при прощании вышитое ею самое шелковое знамя Соединенных Штатов с тем, чтобы он водрузил его на самом северном пункте, до которого достигнет экспедиция, а он подарил ей часы и просил заводить их каждый день в шесть часов пополудни, обещая в то же время заводить и свои. Таким образом каждый день в определенный час они должны были вспоминать друг о друге. Они знали, что долгие месяцы не будут иметь никаких известий один о другом, и предвидели, что им придется пережить много тревог и опасений: но оба мужественно приготовились к этому.

Плавание „Протея“ вначале шло без всяких особенных приключений; только вблизи берегов Гренландии пароход встретил массу пловучих льдов. Чтобы постоянно следить за движением льдин и не столкнуться с ними невзначай, наши моряки прибегли к способу голландских китоловов, которые устраивают на верху средней, самой высокой мачты, род клетки, „воронье гнездо“, где сидит человек, наблюдающий за всем видимым пространством моря. Голландские китоловы держат в этой клетке часового, чтобы он давал знать, как только увидит кита или кашалота. Наши путешественники вовсе не интересовались китами; они хотели избежать столкновений с большими ледяными глыбами, которые могли повредить судно.

Лед, впрочем, шел не сплошной массой; хотя его было много, но льдины были небольшой вели-

чины и поэтому не представляли серьезного препятствия плаванию „Протея“. Рулевой парохода ловким поворотом руля легко избегал столкновения.

Грили и его спутники никогда еще не плавали в полярных морях, и потому новизна зрелища, представлявшегося их глазам, занимала и вместе восхищала их. Они любовались ослепительною белизною льдин, покрывавших поверхность океана и сверкавших на солнце, и полосами изумрудно-зеленой воды, то появлявшимися, то исчезающими перед их восхищенными взорами. Ярко-голубое небо, расстилавшееся над необозримою водною равниной, постоянно меняющей свой вид, игра солнечных лучей в льдинах и в полосах свободной от льда воды, окаймляющих пловучие ледяные острова, точно лентами ярко-зеленого цвета,—все это, конечно, представляло такую красивую картину, от которой трудно было оторвать глаза.

У самых берегов Гренландии путешественников ожидало еще более новое и великолепное зрелище.

Они вдруг увидели солнце в радужном сиянии из разноцветных колец: ближайшее к солнцу кольцо было совсем темное, следующее за ним синеватое и последнее, наружное—красноватое.

В другой раз на небе неожиданно появилось вместо одного солнца два, три, наконец, семь почти одинаково блестящих солнц. Ночью то же произошло с луною: на безоблачном небе сияла не одна луна, а пять лун.

Наши путешественники с восторгом наблюдали эти чудные явления; так как они не бывали ранее в полярных странах, то и не видели никогда ничего подобного, хотя читали об этом в книгах. Они знали, что ложные солнца и луны происходят от отражения светил в неподвижных парах атмосферы, а сияние есть следствие замерзания ледяных паров в воздухе.

Когда они подъехали к берегам Гренландии, их поразило новое чудо, также свойственное исключительно холодному поясу: берега ежеминутно меняли свои очертания; на них появлялись разные скалы, здания, леса, и все это быстро исчезало, уступая место другим, столь же волшебным картинам. Лейтенант Грили напомнил товарищам, как описывает это явление известный путешественник Скоресби, и все согласились, что описание верно.

„Я видел“, говорит Скоресби, „довольно обширный древний город со множеством развалин, дворцов, обелисков, церквей, памятников и других зданий. На видневшихся камнях возвышались каменные стены, гладкие и зубчатые, башни, столбы и т. п. Дальше я видел глыбы скал, точно плавающих в воздухе. Это была волшебная картина, очертания которой беспрестанно менялись. То виднелся замок, то собор, то обелиск, то какие-то необозримые равнины, соединявшиеся сводчатым мостом, и, несмотря на беспрестанные изменения картины, все было так отчетливо и ясно, что можно было различать не только слои, но и жилки в го-

рах, снег в темных ущельях и расселинах. Вообще все предметы казались необыкновенно прочными и крепкими и представлялись какою-то волшебной картиной из „Тысячи и одной ночи“.

После трех дней плавания вдоль берегов Гренландии, во время которого путешественники вдоволь могли налюбоваться этими картинами полярной природы, „Протей“ вошел в гавань Годгавен, столицу и морской порт маленького островка Диско, составляющего конечный пункт, где путешественники полярных стран могут достать все необходимые припасы.

Не успел „Протей“ бросить якорь, как его тотчас же окружили со всех сторон каюки (лодки с крытою палубой), переполненные обывателями этого далекого уголка. Все спешили приветствовать приближение судна, что составляло для них настоящее событие.

Здесь, в Диско, путешественников ожидал доктор Октав Пави, который должен был присоединиться к ним. Доктор Пави был уже опытным полярным путешественником, и его заветною мечтою всегда было—достигнуть полюса. Он однажды попробовал было совершить путешествие к северному полюсу через Сибирь, в санях, запряженных собаками, но потерпел неудачу и, не желая возвращаться после этого на свою родину, во Францию, уехал в Америку; там же вступил в сношения с организаторами полярной экспедиции и был отправлен в Гренландию в качестве развед-

чика и исследователя. Во время своего пребывания в Гренландии доктор Пави постарался изучить быт туземцев и приучить себя как можно лучше к суровости арктического климата.

Доктору Пави нетрудно было снискать доверие эскимосов, вообще отличавшихся своим гостеприимством и кротким нравом. С этою целью он поселился среди них, научился их языку, разговаривал с ними, бывал у них в гостях, ел их кушанья, ласкал детей и лечил больных. Приобретая доверие и любовь эскимосов, он успел нанять двух прекрасных проводников для экспедиции, Христианзена и Уенса, и, главное, раздобыл собак. Последнее было всего труднее. Гренландские туземцы особенно дорожат своими собаками, порода которых, как будто, стала исчезать в последнее время, и многие из гренландцев ни за какие деньги не соглашались расстаться с этими животными, оказывающими им не только всевозможные услуги, но часто являющимися для них настоящими спасителями. Собака гренландца живет и спит вместе со своим хозяином в его хижине и разделяет с ним все невзгоды. Без собаки гренландец неминуемо должен был бы погибнуть.

Вот этих-то драгоценных животных доктор Пави и старался приобрести для полярной экспедиции, понимая, что от этого в значительной мере будет зависеть ее успех. С большим трудом ему удалось получить щенков, которых он вскормил и воспитал по указаниям эскимосов. Заручившись, таким

образом, главным, что было нужно для экспедиции, он уже спокойно ожидал ее прибытия в Годгавен.

Путешественники радостно приветствовали доктора Пави, явившегося к ним в сопровождении двух проводников, с двумя санями и сворой из двенадцати прекрасно дрессированных собак, в две упряжки. Доктор Пави не забыл захватить с собою и несколько боченков сушеного тюленьего мяса и специально изготовленного хлеба, составлявших главную пищу собак там, где им не приходится пользоваться остатками от охоты, в виде внутренностей убитых зверей и т. п. Кроме того доктор захватил с собою еще кожу кита: она считается действительным средством против болезни — цынги, составляющей ужасный бич полярных стран, от которого очень страдают и часто погибают путешественники. Приготовленная особенным образом, с приправою перца, кожа эта употребляется в пищу и предохраняет от названной болезни; по крайней мере, в это твердо веруют грейландские туземцы.

Взяв с собою проводников и запасшись всем, что считали необходимым для успеха экспедиции, путешественники храбро пустились на своем судне дальше, в такие области, где им нужно было рассчитывать уже только на свое собственное мужество и предусмотрительность.

Скоро исчезли на горизонте очертания вершины горы Саундерсон, у подошвы которой расположилось только что оставленное ими поселение,

и „Протей“ понесся вперед, на север, храбро пересекая зеленоватые воды залива Мельвины.

Июль месяц—единственный в году, допускающий плавание кораблей в морях севера. В это время температура воды бывает немного ниже нуля, и поэтому основание ледяных глыб делается рыхлым и подтаивает, точно сахар, положенный на блюдечко с водой; от этого льдины разламываются и рушатся часто с оглушительным треском, вздымая огромные столбы водяной пыли. Плавание при таких условиях, конечно, требует большой осторожности и очень искусного управления судном; поэтому часовой, сидящий на верхушке мачты в вороньем гнезде, должен был зорко наблюдать за всем, что происходило вокруг.

„Протей“ благополучно подвигался вперед, среди разламывающихся с треском льдин, как вдруг часовой заметил огромную ледяную гору, совершенно преграждавшую путь кораблю. Каково же было удивление путешественников, когда они увидели на верхушке этой плавающей ледяной глыбы спокойно восседающего белого полярного медведя, смотревшего на приближающийся корабль с каким-то ленивым любопытством. Дым из трубы парохода, расстилавшийся длинною лентой по воздуху, представлял, повидимому, столь необычное зрелище, что возбудил внимание животного, которое чуть-чуть приподняло голову и глядело на корабль, держа в лапах остатки огромного тюленя, наполовину уже съеденного.

Полюбовавшись этим жителем полярных стран, очевидно не подозревавшим опасности, путешественники, однако, имели жестокость нарушить его покой. Ловко направленная пуля помешала медведю окончить вкусный обед, и кровь его обогрила ослепительно белый покров льдины, на которой он так удобно расположился. Тотчас же от „Протея“ отделилась лодка, отправленная за добычей, очень ценной для путешественников, так как они могли воспользоваться и шкурой и мясом медведя.

Вскоре на горизонте показались острова, и „Протей“ направился к ним. Наши путешественники непременно хотели посетить каменный памятник, находящийся на одном из этих островов. Такие каменные памятники имеют огромное значение, так как они служат для полярных путешественников единственным средством сношения между собой и со всем цивилизованным миром.

Памятник, который собирались посетить Грили и его спутники, состоял, как и все ему подобные, из груды камней, сложенных в виде пирамиды, вышиною около сажени. Так как он помещался на возвышенности, то его видно было издалека. Он был сооружен капитаном „Пандоры“, Алленом Юнгом, и обыкновенно путешественники, посещая его, оставляли в нем разные припасы, свои записки, газеты. Каждая партия путешественников забирает из него то, что находит, и оставляет взамен свои записки, журналы и припасы для сле-

дующей партии. Многие путешественники обязаны были сохранением жизни именно такой трагательной предусмотрительности своих товарищей. Ни медведи, ни эскимосы не нарушают тайны, доверенной этим памятникам; а потерпевшие кораблекрушение, погибающие от голода путешественники находят в них для себя важные указания и еще более драгоценные для них припасы.

Благодаря температуре, которая всегда держится около нуля в этих пустынных местностях, съестные припасы сохраняются очень долго в импровизированных полярных кладовых, никогда почти не пустующих, так как все отправляющиеся на север путешественники считают своим долгом пополнять их. Замечательно, что в этих областях, где суровая природа особенно безжалостна к человеку, в людях как-то сильнее говорит чувство гуманности и великодушной заботливости друг о друге. Пополняя арктическую кладовую, люди думают о тех неизвестных им странниках, которые, быть может, только через много лет явятся сюда утолить свой голод и будут обязаны им своим спасением.

Грили нашел в каменном памятнике записки капитана Аллена Юнга, письмо другого полярного путешественника капитана Нэрса, побывавшего здесь в 1875 году, и кроме того несколько старых номеров американской газеты „New-York Herald“. Забрав все эти драгоценные воспоминания, Грили вложил в тайник подробный журнал плавания

„Протея“. В письме капитана Нэрса заключались еще указания на то место, где хранятся оставленные им съестные припасы, бисквиты и ром. Ром оказался великолепным, бисквиты же испортились от воды, появившейся вследствие таяния снегов. Грили заменил их новыми и, оставив такое воспоминание о своем пребывании на острове, продолжал свой путь дальше на север.

Прежде чем окончательно повернуть на север, Грили посетил еще маленький островок Меттильтон, замечательный тем, что на нем зимовали потерпевшие крушение члены экспедиции „Polaris“, после внезапной смерти своего начальника капитана Галля. Экспедиция эта была очень несчастна. Корабль затерло льдом, и когда стали выгружать запасы провизии с судна, внезапно во льду образовалась трещина и часть команды судна очутилась на большой льдине, которую быстро понесло течением к югу. Несчастные пробыли на этой льдине 196 дней, терпя невыразимые мучения от холода и голода, и только у берегов Лабрадора их подобрало китоловное судно. Замечательно, что все они остались живы.

Подобный же случай произошел с другою полярною экспедицией в 1870 году. Экспедиция эта состояла из двух судов, которые в тумане потеряли друг друга из виду и затем уже более не встречались. Одно из этих судов было затерто льдами, и 14 человек экипажа, собрав, что было возможно из провизии и захватив с собою лодки,

спаслись на льдине, которую понесло вдоль берега к югу. Бури и волнения постепенно уменьшали льдину, имевшую сначала около 15 верст в окружности, так что в конце концов пришлось перейти в лодки. Только по прошествии восьми месяцев несчастным удалось достигнуть эскимосского поселения Фридрихсталь.

Покинув эти местности, возбуждающие столько печальных воспоминаний, „Протей“ направился вдоль громадного ледника Гумбольдта. Картина, открывшаяся глазам наших путешественников, не могла привести их в веселое расположение духа. Напротив, суровое величие полярной природы производило тяжелое, подавляющее впечатление. Казалось, корабль вступил в царство вечного покоя и смерти, и окружающее безмолвие нарушалось только зловещим треском раскалывающихся льдин и обрушивающихся ледяных скал. Каждого из путешественников невольно охватывала дрожь при одной мысли о том, как ужасно должно быть здесь среди мрака полярной ночи. Им припоминались рассказы о тех путешественниках, которые были застигнуты в этих краях какою-нибудь катастрофой; перед глазами проносился длинный список жертв северного полюса. Быть может, у некоторых в эту минуту явилось предчувствие их собственной участи.

Один раз „Протей“ едва избежал страшной опасности. Огромная ледяная гора внезапно рушилась в океан и, исчезнув в водяной бездне, через

несколько минут снова появилась на поверхности океана, но уже в виде нескольких отдельных глыб. Если бы эта катастрофа случилась несколькими секундами раньше, когда „Протей“ проходил мимо ледяной горы, судно неминуемо бы погибло: его разнесло бы в щепки. Невольный крик вырвался из груди всех путешественников, когда они увидели, какая ужасная опасность грозила им. С этой минуты рулевому было отдано приказание править подальше от ледяных утесов и по возможности избегать их.

К северу от ледника Гумбольдта, у мыса Фокон, Грили отправил с „Протея“ лодку в поиски за ботом, который был оставлен здесь капитаном Нэрсом с тою целью, чтобы им могла воспользоваться следующая полярная экспедиция. Бот был скоро найден и лодка доставила его на буксире к „Протею“; он был поднят на палубу при звуках американского гимна. Это была веселая минута: Грили и его спутникам казалось, что плавание их начинается при хороших предзнаменованиях.

Вскоре „Протей“ подошел к заливу Леди Франк-лич. Уже виднелся вход в залив и все подзорные трубы были туда направлены, как вдруг Грили заметил какую-то громадную белую массу, загораживающую этот вход. Это была ледяная глыба чудовищной величины. Величественная и грозная, она возвышалась перед глазами путешественников, как бы заявляя им: „Ни шагу дальше!“ Пароход остановился, так как двигаться дальше было бы

опасно. Целую неделю „Протей“ простоял под парами в некотором отдалении от ледяной горы, как будто насмежавшейся над путешественниками и предостерегавшей их от предстоящей им участи. Такие ледяные горы являются самым страшным врагом для полярных экспедиций. Немало отважных и смелых людей погребено в этих снежных могилах, поэтому то Грили и побоялся приблизиться к грозному великану и выжидал, не зная, на что решиться, как вдруг, совершенно неожиданно, при полнейшей тишине моря и воздуха, точно по какому-то странному капризу неведомых сил, вся эта масса льда заколебалась и спокойно, величественно двинулась с места и поплыла к югу. Перед глазами пораженных изумлением путешественников открылся вход в бухту Леди Франклин и дальше на север.

Пустив в ход все силы своей паровой машины, „Протей“ ринулся вперед, стараясь как можно скорее достигнуть маленькой гавани Дисковери, где он должен был водрузить американский флаг и устроить полярную колонию—исходный пункт всех дальнейших экспедиций к северному полюсу и всевозможных научных наблюдений.

В этом ужасном и суровом климате природа, как будто, спит мертвым сном в течение 9—10 месяцев, но тем не менее жизнь все-таки не исчезает совершенно и тотчас же вступает в свои права, как только солнечные лучи начинают оказывать свое магическое действие. Природа просыпается, и

скудная и жалкая полярная растительность спешит в несколько недель достигнуть предела своего развития. То же происходит и с полярными животными: все торопится жить в этой местности, пока долгая полярная зима не наложит на нее свои ледяные оковы, прекратив на много месяцев всякое проявление жизни. Человек, появившийся в эти не приветливые края, непременно должен приспособиться к этим условиям и также должен торопиться в течение короткого полярного лета приготовить все, что нужно для долгой зимы. Поэтому, как только „Протей“ бросил якорь в бухте Дисковери, путешественники приступили с лихорадочною поспешностью к разгрузке судна. Им надобно было поскорее устроить для себя убежище, где можно было бы спокойно встретить грозную полярную зиму, и поскорей освободить „Протея“, чтобы он успел вернуться домой, в течение лета, иначе судно могло быть застигнуто льдами в океане и оказалось бы запертым в мышеловке.

Все это заставляло Грили очень спешить; ему хотелось кроме того поскорее доставить на родину известие о благополучном окончании плавания и уведомить, что предпринятый ими научный поход начался при очень хороших предзнаменованиях.

Действительно, как будто, все улыбалось вначале Грили и его спутникам. Выгружая деревянный сруб для постройки дома, они заметили стадо

мускусных быков, или овцебыков ¹⁾. Так как до этой минуты никто не смущал покоя этих животных, то они позволили людям к себе приблизиться, не подозревая опасности, и таким образом охотники без всякого труда убили 14 штук быков, благодаря чему увеличили в значительной степени свои запасы провизии. Все это, конечно, способствовало поддержанию бодрости духа путешественников, и им казалось, что экспедиции нечего опасаться никаких случайностей. Работы шли весело и быстро, так что „Протей“ скоро мог уже отправиться обратно. Грили притотавил подробное донесение обо всем, что было до сих пор с экспедицией, причем напоминал, что ежегодно из Вашингтона должен отправляться корабль с грузом припасов для обитателей полярной колонии и с формальным приказанием добраться во что бы то ни стало до форта Конгер.

Путешественники немедленно приступили к постройке форта. Сначала было выстроено большое здание из очень толстых досок, представлявшее собственно наружную оболочку, а внутри его находилось другое, меньшей величины, в котором собственно и должны были жить колонисты. Такое устройство дома было очень целесообразно, потому что оно предохраняло от непосредственного действия стужи на стены жилья и ограждало обита-

¹⁾ Эти животные занимают промежуточное положение между овцами и быками. Водятся только в Северной Америке к северу от 60° с. ш. и в Гренландии.

телей от слишком резкого перехода от тепла к холоду. Подобная предосторожность очень полезна в полярных странах, где здоровье человека особенно может пострадать от внезапных и резких изменений температуры.

Внутри дом состоял из трех небольших комнат; средняя была кухней, а направо и налево помещались члены экспедиции. Большой очаг посредине, в котором постоянно поддерживался огонь, служил для приготовления пищи и для отопления всего жилища. Обитатели его должны были строго соблюдать известные правила, подчиняться которым было необходимо не только ради собственной безопасности, но и ради успеха дела, для которого они приехали.

Прежде всего было постановлено за правило, что каждый должен совершать ежедневную прогулку в течение часа, несмотря ни на какой холод. От соблюдения этого правила можно было избавиться только по предписанию врача. Одежда путешественников так же, как и их обувь, была в высшей степени приспособлена к суровостям климата, с которыми им приходилось бороться. Так как в съестных припасах не было недостатка, то люди питались хорошо и сытно и кроме того получали в достаточном количестве чай, а иногда и вино. Каждую неделю все члены экспедиции брали теплую ванну с содой, для того, чтобы поддерживать чистоту тела, и меняли белье два раза в неделю. Доктор Пави производил очень тщатель-

ный медицинский осмотр каждого и вообще требовал, чтобы ему немедленно заявляли о малейшем признаке болезни, так как, по его словам, „болезнь—это зерно, которое очень быстро разрастается в дерево, если только не постараться во время ее уничтожить“.

Развлечением для обитателей форта Конгер служили, кроме прогулок и охоты, научные беседы и чтения, устраиваемые два раза в неделю. Грили читал своему гарнизону лекции по астрономии и метеорологии и старался своими объяснениями возбудить у них охоту к научным наблюдениям. Он обладал даром слова, и потому его слушали с большим интересом, особенно когда он рассказывал историю различных полярных экспедиций, стремясь возбудить в своих слушателях интерес к северному полюсу и развертывая перед ними заманчивую картину победы человека над враждебными силами природы. Доктор Пави, в свою очередь, сообщал своим слушателям сведения по гигиене, физиологии и естественной истории. Он знакомил их с устройством человеческого организма, с отправлениями различных органов, с последними научными открытиями, и т. п., и интерес слушателей никогда не ослабевал. Таким образом обитатели маленькой полярной колонии готовились храбро встретить долгую полярную зиму и долгую полярную ночь—этих страшных врагов всех смельчаков, дерзающих проникнуть к северному полюсу.

ГЛАВА II.

Развлечения в форте Конгер.—Первые осенние экспедиции.—Посещение могилы капитана Галля.—Собаки и сани.—Разбитые сани.—Одиночество.—Лед двигается!

Все праздники колония старалась ознаменовать каким-нибудь особенным образом. В такие дни устраивались игры, какие-нибудь развлечения и готовился роскошный обед. Конечно, понятие о роскошном обеде в полярной колонии далеко не соответствует нашему понятию об этом предмете, но ведь надо принять во внимание те условия, в которых находились полярные колонисты. Лишнее блюдо, особенно свежее мясо, уже составляло роскошь, и ее колонисты не часто могли доставлять себе. Впрочем, охота и рыбная ловля в начале шли так успешно, что запасы форта не только не истощались, но даже все увеличивались. Повар колонии научился прекрасно готовить мясо моржа и белого медведя, так что колонисты питались не одними только консервами, привезенными из Америки, и стол их разнообразился насколько возможно.

Полярная же дичь и зайцы доставляли им даже очень вкусное блюдо. Некоторые из колонистов последовали примеру двух эскимосов Христианзена и Уенса, и приучили себя выпивать по маленькой рюмочке очищенного жира, что оказывало очень хорошее влияние на здоровье.

Праздники в колонии устраивались довольно часто. Грили решил праздновать день рождения каждого колониста, даже самого младшего из своих подчиненных. Герой праздника обязан был придумать обед и непременно произнести за обедом речь. Поэтому накануне такого праздника начинались длинные совещания с поваром. Каждому хотелось поразить своих товарищей и потому изобретались самые удивительные соусы и приправы к кушаньям. Придумывание речи также доставляло не мало труда; но иногда речь произносилась экспромтом и, если бывала удачна, то оратора награждали дружными рукоплесканиями. Шутки и остроты сыпались со всех сторон, и семейное пиршество проходило очень весело. Что за беда, что снаружи была страшная стужа, что кругом на необозримое пространство расстилалась грозная ледяная пустыня — внутри маленького домика было уютно, светло и тепло, и колонисты забывали, что они находятся за много-много миль от человеческого жилья, и бодро смотрели в будущее, составляя планы предстоящих экспедиций.

Эти полярные банкеты, устраиваемые на границе северного полюса, отличались особенным

оживлением. Ораторы старались превзойти друг друга в красноречии, так что порою происходило настоящее состязание, и победителя чествовали; иногда исполнялись хором различные песни. В числе колонистов нашлись и музыканты, так что в число развлечений входили настоящие концерты. Часто также устраивали театральные представления, и актеры могли быть довольны, так как публика всегда оказывала им восторженный прием. Кроме того лейтенант Локвуд придумал издавать сатирический журнал „Эхо полюса“, что также доставляло немало развлечения колонистам. Одним словом, все было сделано, чтобы поддерживать бодрость духа и веселость в колонии, что было очень важно для успеха предприятия. Угнетенное унылое настроение всегда вредно отзывается на здоровье человека и, кроме того, лишает его энергии, необходимой для всякого дела, особенно же для полярных путешествий. Однако, главная цель все же не упускалась из виду среди всех этих развлечений. Грили подумывал о снаряжении осенних экспедиций, которые должны были служить только для разведки и облегчения предстоящих весенних экспедиций к северному полюсу.

В конце августа Грили отправил в первую экспедицию сержанта Бренара, который должен был устроить в двадцати верстах расстояния от форта Конгер склад припасов. Вторая экспедиция отправлена была под командою Локвуда к могиле

капитана Галля, для осмотра памятника и исследования состояния съестных припасов, сохранявшихся в полярной кладовой на этом месте.

К несчастью, когда экспедиция Локвуда отправилась к своему назначению, то солнце уже скрылось окончательно за горизонтом и наступила долгая полярная ночь. Только одно северное сияние освещало путь. Холод был так силен, что, в конце концов, путешественники не выдержали и вернулись обратно. Они прибыли в форт Конгер в довольно плачевном состоянии. Доктору Пави пришлось показать все свое искусство в лечении отмороженных носов и пальцев, но, к счастью, Локвуд и его товарищи отделались сравнительно легко.

После этой неудачи до февраля месяца следующего года не было отправлено ни одной экспедиции. Но за неделю до восхода солнца из форта Конгер выехал первый отряд, в санях, запряженных собаками, опять-таки под командою лейтенанта Локвуда. Экспедиция продолжалась семь дней, и путешественники немало перенесли страданий за это время. Они спали в хижинах из снега, таких, какие устраивают обыкновенно эскимосы. Они страдали больше всего от холода не тогда, когда термометр стоял очень низко, а когда холод уменьшался, так как вместе с этим появлялся сильный ледяной ветер, который пронимал до костей и от которого не могла защитить их никакая одежда. Тем не менее экспедиция добралась до мыса Луптон и

нашла там спрятанные еще в 1871 году съестные припасы в таком хорошем состоянии, как будто их положили туда только накануне. Количество съестных припасов, однако, заметно уменьшилось, что, вероятно, произошло оттого, что какая-нибудь из последующих экспедиций позаимствовала из этого запасного магазина.

Локвуд и двое других его спутников поплались довольно сильными отморожениями, так что тотчас же по возвращении в форт Конгер им пришлось снова подвергнуться лечению доктора Пави. Сержант Бренар, не пострадавший нисколько, отправился немедленно в новую экспедицию, с целью устройства еще одного запасного магазина в более отдаленных пунктах. Во время этой экспедиции Бренар испытал самую низкую температуру, какую только пришлось переносить когда-либо полярным путешественникам (около 50 градусов ниже нуля).

После сержанта Бренара, во главе следующей экспедиции отправился доктор Пави, который давно уже лелеял мысль пробраться как можно далее к северу, держась все прямого пути, через океан вечных льдов, считавшийся до сих пор совершенно недоступным. Но прежде чем двинуться в путь, Пави также сначала отправил экспедицию для устройства склада провизии, которым он мог бы воспользоваться в случае нужды.

В марте месяце доктор в сопровождении сержанта Райса и эскимоса Уенса выехал на санях из форта Конгер. Собаки, которых доктор сам воспитыв-

вал, повиновались одному звуку его голоса и быстро помчались вперед. Однако, такая быстрая езда оказалась очень опасной для саней: как раз в ту минуту, когда путешественники достигли страшно-неровной ледяной поляны, состоящей из нагроможденных друг на друга льдин, и собаки бодро взбежали на одну из таких возвышенностей, раздался треск, и сани разломались. Ехать дальше было нельзя, и всякий другой, на месте доктора, отказался бы от своего плана. Но Пави был не таков: он совершенно спокойным голосом объявил своим спутникам, что они должны отправиться на форт Конгер за другими санями, а он останется ждать их на этом самом месте. В первую минуту спутники доктора подумали, что он шутит; но он говорил совершенно серьезно и настолько внушительно, что они вынуждены были повиноваться ему, тем более, что они поняли причины, побуждавшие доктора действовать подобным образом. Если бы доктор вернулся в форт, то Грили, как начальник экспедиции, конечно, не допустил бы его возобновить свою попытку. Теперь же Грили ничего более не оставалось, как послать новый отряд с санями на помощь доктору, одиноко стоявшему на своем посту.

Сержант Райс и эскимос Уенс пустились в путь, употребляя все усилия, чтобы как можно скорее добраться до форта и вернуться обратно. Доктор Пави остался один со своими собаками. Кругом его теснились вечные льды, грозные и величествен-

ные ледяные утесы, а впереди расстилался ледяной океан, представлявший до сих пор неодолимое препятствие для всех путешественников, мечтавших пробраться к северному полюсу. Что передумал в эти долгие дни ожидания одинокий человек, затерявшийся в ледяной пустыне? Он обращал свои взоры вперед, туда, где находился северный полюс, к которому устремлялись все его мечты. Пять дней он пробыл в таком одиночестве, созерцая океан вечных льдов и размышляя о способах борьбы с грозною полярною природою. Он думал и о прошедшем и о будущем и забыл только настоящее, которое, повидимому, для него не существовало в эти часы.

Наконец, лай собак возвестил ему о приближении его товарищей. Они вернулись, сделав в пять дней переход в 130 верст. Добровольное, но страшное одиночество доктора кончилось. Он радостно встретил своих спутников, разломанные сани тотчас же употребили на дрова, и разложили костер, чтобы приготовить теплую пищу. Подкрепив свои силы, экспедиция возобновила прерванную поездку.

Сначала все шло удачно, и путешественники не чувствовали усталости и уже мечтали превзойти Маркгама, дошедшего до самого дальнего пункта. Но тут с ними случилась беда. Разразилась буря, подул юго-западный ветер; ледяная скала, на которой находились в это время путешественники, заколебалась и двинулась. В течение 24-х часов путешественники по воле ветра носились на своей

скале в разные стороны ледяного океана. Они решительно не знали, какая участь ожидает их. Если бы преодолел северный ветер, то их понесло бы к северу в направлении их мечты, но зато их ожидала там неминуемая гибель. При южном ветре у них были шансы на спасение, так как их могло прибить к какому-нибудь берегу, откуда уже они проберутся к форту Конгер. Так и случилось. После шестинедельного отсутствия, измученные и голодные, истребив все свои припасы, путешественники вернулись под гостеприимный кров форта. Доктор Пави был неутешен и не мог простить южному ветру, в сущности спасшему им жизнь, что он помешал ему выполнить так долго лелеянную мечту.

ГЛАВА III.

Открытие острова Локвуд.—Оазис.—Восхождение на гору Альберт.—Покинуты.—Проекты Грили.—Новые экспедиции Локвуда.—Трудность положения.—Речь Грили.

Отсутствие доктора Пави продолжалось так долго, что в форте его считали уже погибшим. Поэтому можно себе представить, сколько радости доставило его возвращение, и какой праздник был устроен в честь его! Во время отсутствия Пави, Грили организовал новую экспедицию с лейтенантом Локвудом во главе. Локвуд оказался счастливее доктора, так как добрался до наивысшего градуса северной широты, достигнутого путешественниками. Место, где был Локвуд, находится под $83^{\circ} 23' 8''$ с. ш. в прямом расстоянии от полюса, приблизительно на 689 верст.

Локвуд обогнул северо-восточный берег Гренландии и проследил его контуры, по крайней мере, на 200 верст. У мыса Британия, на маленьком островке, наши путешественники сделали остановку. На этом островке возвышается самая большая гора этой местности, называемая горою Аль-

берт. Может быть, в те отдаленные эпохи, когда в Гренландии произрастали превосходные папоротники, и Гренландия оправдывала данное ей древними исландцами название „Зеленой земли“, — с этой горы открывался очень красивый вид. Теперь же, куда ни обращал свои взоры Локвуд, везде ему представлялась одна и та же мрачная и суровая, грозная и величественная картина полярной природы: ослепительно белая снежная равнина, громоздящиеся друг на друга льды, сверкавшие под лучами полярного солнца, и обнаженные скалы — „нунатаки“, возвышающиеся по окраинам ледяной пустыни.

Локвуд пользовался каждою остановкою для отдыха и подкрепления себя пищею, чтобы производить наблюдения и рисовать очертания Гренландского берега. Он делал это так спокойно, как будто находился не в ледяной пустыне, а в своем кабинете, в Вашингтоне.

От мыса Британия маленькая экспедиция направилась прямо через льды замерзшего океана и достигла твердой земли после двадцати пяти дней пути. Эта твердая земля оказалась островом, который и был назван именем Локвуда. Добравшись до этого острова, Локвуд пожелал удостовериться, действительно ли он превзошел всех предшествовавших путешественников и пробрался дальше всех их. С этою целью он взобрал на гору, возвышающуюся на 600 метров, и там произвел наблюдения, доказавшие, что он опередил капи-

тана Маркгэма почти на 30 верст. Убедившись в этом, Локвуд решил не идти дальше; но, прежде чем отправиться в обратный путь, путешественники водрузили на верхушке горы американский флаг, вышитый руками г-жи Грили. Когда флаг взвился, они несколько раз прокричали „ура“ и выстрелили из ружей. Мрачная ледяная пустыня, куда до этой минуты еще ни разу не вступала нога человека, огласилась непривычными звуками и, как будто, ожила на одно мгновение, чтобы затем снова погрузиться в свое злое безмолвие.

Локвуд и его спутники приступили затем к сооружению на этом месте каменного памятника, самого северного из всех, и спрятали в нем термометр особенного устройства, который должен был указать самую низшую температуру, какая только наблюдается в этой местности; они оставили также копию с произведенных ими наблюдений. Этот памятник должен служить приманкой для следующих полярных путешественников, которые будут стремиться к тому, чтобы пробраться еще дальше Локвуда.

Покончив с сооружением памятника, Локвуд и его спутники сняли флаг: он развевался почти в виду полюса, поэтому получил в их глазах значение священного предмета. Они бережно сложили его и унесли с собою, как драгоценное воспоминание.

Возвращение экспедиции Локвуда было, по обычаю, отпраздновано в форте Конгер, обитатели

которого с радостью думали о приближении более благоприятного времени года и мечтали о том, что скоро должно притти ожидаемое с таким нетерпением судно и привезти им, вместе с новыми запасами провизии, и дорогие вести с родины.

Зима миновала благополучно, и в этом они видели залог своих будущих успехов. Довольный подвигами Локвуда, Грили задумал и сам совершить экспедицию вовнутрь большого острова к западу от Гренландии, называемого землею Гринелль, по имени нью-иоркского коммерсанта, щедро поддерживавшего полярные экспедиции и снарядившего на свои собственные средства корабль, который отправился в 1850 году на поиски за Франклином.

Экспедиция Грили увенчалась совершенно неожиданными открытиями: он наткнулся внутри острова Гринелль на настоящий оазис, в долине между двух горных цепей, покрытых вечными снегами. Этот оазис, совершенно защищенный горами от ветра был покрыт уже в это время сравнительно роскошною растительностью, хотя был только еще апрель месяц, и за пределами этого благословенного местечка не было заметно ни малейших признаков приближения полярного лета. Кругом были льды и снега, а тут почва уже совершенно освободилась от зимнего одеяния, зеленела трава, кое-где пестрели цветочки, и на вербе распускались листья. Ручьи и озерца весело сверкали на солнце, и всюду чувствовалось дыхание

жизни. Грили видел полярных зайцев, убежавших при его приближении, и разных других мелких животных, из породы грызунов, не говоря уже о птицах, которых тут было очень много.

Грили и его спутники были в восторге от своего открытия; хотя странствование их было сопряжено с большими затруднениями, так как им часто приходилось переходить в брод очень глубокие ручьи с ледяною водой и иногда даже переплывать их, — тем не менее они постарались самым подробным образом исследовать удивительный оазис. Между прочим, они совершили восхождение на гору, названную Грили горою Артура. Эта гора возвышается на 1200 метров и господствует над всею местностью, так что с высоты ее можно было хорошо рассмотреть очертания западного берега Гренландии и воды обширного полярного океана, уходящего далеко на север.

С наступлением лета в форте Конгер обнаружилась необыкновенная деятельность и какое-то особенное оживление. Всѣ были рады, что счастливо пережили зиму, но взоры всех обращались с жадностью теперь уже не на север, куда еще так недавно устремлялись все их помыслы, а на юг, где они ежеминутно ожидали появления столь желанного корабля.

Мало-по-малу в сердцах многих начинало зарождаться смутное беспокойство. Июль подходил к концу, а корабля все нет. Только что вернувшийся из своей второй экспедиции в землю Гри-

нелль, Грили отдохнул не более двух дней и затем отправился на паровой шлюпке по освободившемуся от льда заливу к югу навстречу ожидаемому пароходу. Море открылось перед ним, свободное для прохода, как и в прошлом году, но увы! нигде на горизонте не виднелось ни одной полоски дыма, которая возвестила бы приближение так долго ожидаемого судна. Кругом та же безмолвная пустыня, пловучие льдины, опоясанные зелеными лентами морской воды, та же знакомая картина, которою Грили любовался в прошлом году с палубы „Протея“, и над ним ярко-голубое небо, откуда лились потоки света, сверкая и отливая радужными цветами в беспрестанно меняющейся поверхности полярного моря. Но Грили было уже не до того, чтобы любоваться картинами полярной природы. Душу его охватывало смутное предчувствие грозной беды. Отчего нет карабля? Или с ним случилось несчастье: он не мог добраться до места свидания, застрял где-нибудь во льдах коварного полярного моря? Или—что было-бы самое ужасное!—о них забыли, забыли торжественное обещание, с которым связана честь целой нации?

— Покинуты!—Вот слово, которое проносилось в мозгу Грили, когда он с тоскою устремлял свои взоры на неподвижный горизонт. Покинуты на жертву всем ужасам заточения в полярных льдах, без всякой надежды на спасение! Произошло ли это нечаянно, вследствие непредвиденных случайностей, или же вследствие непростительной

небрежности—этого Грили, конечно, не мог разгадать. Но он понял, что ему прежде всего необходимо было позаботиться о том, чтобы люди его не потеряли бодрости духа, чтобы они мужественно примирились с мыслью о второй зимовке, и уже при худших условиях и притом не получив вестей с родины, которых они так долго ждали.

Вернувшись в форт Конгер, Грили собрал всех колонистов и сообщил им печальную весть. Корабля нет, и надо отказаться от всякой надежды на его приход в этом году. Он убеждал своих товарищей не падать духом и мужественно перенести разочарование. Что за беда, что они осуждены на вторичную зимовку без подкрепления. Запасов провизии, при некоторой расчетливости, у них должно хватить на целый год. Чего же им бояться? Самое главное: не надо приходить в уныние, не надо поддаваться печали и мужественно перенести, как должно героям, тяжелое испытание, ниспосланное им судьбой.

Как ни старался Грили возбудить энергию в своих товарищах, вселить в них надежду, но он сам чувствовал, как в сердце его закрадывается тревога. У него, как и у многих, невольно зарождалась мысль: „Нас покинули в 1882 году; кто нам поручится, что этого не случится и в 1883 году и... нас ожидает верная гибель, страшная ледяная могила, поглотившая уже столько смелых и достойных!“.

Несмотря на такие грустные мысли, овладевшие каждым из обитателей форта, жизнь в колонии шла своим чередом. Готовились к зимовке, еще более старательно пополняя кладовые форта добычею с охоты и рыбной ловли. В этом отношении колонисты могли спокойно встретить зиму: провизии было достаточно и если бы не хватило угля, то его нетрудно было достать, так как непосредственно под почвою находились богатые залежи каменного угля. Но как ни бодрились колонисты, как ни старались искусственно возбудить в себе веселость и энергию, разочарование сказывалось во всем. Вторая зима прошла далеко не так, как первая. Хотя обитатели форта и не терпели пока еще никаких лишений и попрежнему устраивались чтения и беседы и даже несколько раз пробовали устраивать пиршества, как в прошлом году, но это было уже не то. Не было того задумчивого веселья, того огня, который придавал столько прелести их прошлогодним пиршествам. Всем было как-то не по себе, и все только старались казаться веселыми, не будучи в состоянии прогнать гнетущую мысль, что они покинуты, забыты. Ничто уже не радовало колонистов, и все помышляли только о том, чтобы поскорее миновала эта страшная зима, и наступило лето, которое должно было принести с собой окончательное решение их судьбы.

Научные наблюдения, однако, производились в колонии с такою же точностью и аккуратностью,

как и прежде; но и они уже перестали интересоваться колонистов, хотя была собрана масса очень ценных сведений, касающихся земного магнетизма и различных атмосферических явлений. На этот раз долгая полярная ночь казалась просто бесконечной, колонисты считали дни, часы и минуты, еще оставшиеся до появления солнца на горизонте.

Минута появления долгожданного светила, возрождающего к жизни всю природу, была вычислена с величайшей точностью. Наконец, эта минута наступила, но увы! упорный туман, покрывавший горизонт, скрыл появление солнца от глаз бедных колонистов, — они только на другой день увидели его во всем блеске.

У всех племен, населяющих берега Баффинова залива, существует поверие, что момент появления солнца, рассеивающего мрак полярной ночи, имеет огромное влияние на событие всего года. Смотря по тому, восходит ли солнце при совершенно чистом небосклоне и является сразу во всем своем великолепии восхищенным взорам человека, или же оно окутывается тучами, придающими небесам зловещий, угрюмый вид и закрывающими светило от глаз человека, — племена эти предсказывают счастливый или несчастный год. Спутники Грили, даже совершенно свободные от всяких предрассудков и несклонные к суеверию, как-то невольно почувствовали, как душу их охватило зловещее предчувствие, когда они увидели, что густой ту-

ман мешает им насладиться видом долгожданного светила.

Но лето все-таки наступало, и яркие лучи полярного солнца рассеяли несколько тоскливое настроение колонистов и снова пробудили в них надежду. В ожидании судна, на приход которого они опять начали рассчитывать, было организовано несколько экспедиций, очень плодотворных в научном отношении. Во время одной из таких экспедиций Локвуд и его товарищи чуть-чуть не погибли, попавши в страшную полярную бурю.

К несчастью, лето как-то особенно запоздало в этом году, льды дольше обыкновенного не таяли, и скоро бедным колонистам стало ясно, что они осуждены на третью зимовку; но оставаться еще целый год в ледяной тюрьме и утешать себя опять несбыточной надеждою, что следующим летом явится избавление, было для них невыносимо. Грили созвал совет из своих помощников, изложил им свой взгляд на положение дел, предложил обсудить вопрос, как поступить дальше. Совещание продолжалось долго, но все единогласно решили, что так как они собрали уже достаточное количество научных наблюдений, то оставаться им долее не следует и нечего ждать помощи, которая, быть может, и не явится к ним, а надо постараться выбраться из западни и вернуться на родину.

Решение это было передано всем остальным колонистам, и они встретили его восторженными

криками „ура!“ У всех было только одно желание—увидеть родину, одна мысль—выбраться поскорей из ледяной тюрьмы. Грили понимал это и сочувствовал этому, но считал своим долгом указать все-таки на все опасности и риск подобного возвращения, тем более, что им хватило бы запасов в форте Конгер еще на одну зиму. Но, разумеется, никто и не думал об отступлении. Трусость была неведома этим героям. Да и что для них значили опасности, когда ценою их они могли купить возвращение на родину.

Тотчас же начались приготовления к опасному и тяжелому путешествию, от которого должна была зависеть их судьба. Грили откомандировал сержанта Райса за лодкой, оставленной в известном месте полярным путешественником лейтенантом Бомом с тою именно целью, чтобы ею могла воспользоваться какая-нибудь из последующих экспедиций. Эта лодка была особенного устройства и годилась как для езды по льду, так и по воде. С величайшими усилиями, так как она была очень тяжела, сержанту Райсу удалось притащить ее к форту и скоро все уже было готово для трудного и опасного путешествия, предпринимаемого колонистами.

ГЛАВА IV.

Отъезд.—Покинутые собаки.—Опасности.—Полярные кладовые.—В ледяной тюрьме.

В первых числах августа разразилась страшная буря, представляющая довольно редкое явление в полярном океане, но зато всегда отличающаяся какою-то особенно мрачною свирепостью. Ураган разорвал ледяные оковы, сковывающие залив Леди Франклин, и показалась длинная полоса свободного моря, далеко теряющаяся вдали. Путь был открыт и этим надо было воспользоваться. Грили так и поступил. Лодки нагрузили припасами, и всем необходимым для путешествия, и оставалось только сесть самим путешественникам.

Наступила минута отъезда. Готовясь к ней, колонисты тщательно скрывали друг от друга свое настроение, но не было между ними ни одного, у которого бы сердце не сжималось от тоски и какого-то мрачного предчувствия. Каждый упрекал себя в глубине души в трусости, думая, что это только он один ощущает тревогу, тогда как другие весело готовятся к путешествию, предвкушая за-

ранее радость возвращения на родину. Но всего тяжелее было расставание с собаками. Много искренних, горячих слез было пролито колонистами, когда они прощались со своими верными четвероногими друзьями, обрекая их притом на верную смерть. Собаки, как будто, понимали это и бегали взад и вперед по льду, с отчаянным лаем и воем, как бы надеясь умиловить своих безжалостных хозяев, бросавших их на произвол судьбы. Прежде чем уехать, колонисты разбили бочки с мясом, жиром и бисквитами и приготовили для собак настоящее пиршество, думая этим отвлечь их внимание. Но не тут-то было. Несчастные собаки и не взглянули на приготовленное им лакомство, они продолжали бегать по берегу, надрывая душу отъезжавших своим лаем и воем. Некоторые из них даже бросались вплавь за лодкой и долго-долго плыли, пока хватило сил и пока лодки совсем не скрылись из виду.

Маленькая флотилия ¹⁾, на которой разместились путешественники, состояла из трех простых лодок и четвертой—паровой. На этой последней ехал Гричи и она вела на буксире все остальные. Разумеется, при таких условиях плавание было сопряжено с большими затруднениями, и лодки двигались вперед очень медленно.

Рассчитывая на все случайности, а также на то, что им придется, пожалуй, вернуться в форт

¹⁾ Небольшое собрание судов.

Конгер, Грили оставил там запасы провизии, по крайней мере, на восемь месяцев и каменный уголь в большом количестве. Но вследствие такой предусмотрительности, с собою было взято мало съестных припасов, так что пришлось заходить во все места, где только были устроены полярные кладовые, чтобы пополнять из них свои запасы. Эти отклонения от прямого пути сопряжены были с немалыми опасностями. Несколько раз маленькая флотилия рисковала погибнуть во льдах, но до сих пор ей удавалось счастливо избегать такой печальной участи. Больше всего путешественники боялись, чтобы пловучие льды не разбили их паровую лодку, так как это сделало бы их совершенно беспомощными.

Опустошив первую кладовую со съестными припасами, наши путешественники отправились к другому пункту, где ими самими были спрятаны, во время одной из экспедиций, большие запасы приготовленного особенным способом мяса. Устраивая эту кладовую, они думали о тех неизвестных путешественниках, которые, быть может, через много лет будут обязаны спасением своей жизни такой великодушной заботливости своих предшественников. Теперь же эта заботливость и предусмотрительность оказывалась им самим на пользу и спасала их жизнь.

Таким образом, экспедиция переходила с места на место, забирая всюду запасы, но вместе с этим положение ее становилось все более и более опас-

ным. Лодкам ежеминутно грозила опасность очутиться в ледяных тисках, и как ни старались избежать этой участи путешественники, она все-таки настигла их; они попали в ледяные оковы, вдали от берегов и в таком месте, где они даже не могли надеяться на то, что их освободит прилив. Море сковало льдом, и флотилия очутилась в центре громадного треугольника, составленного тремя мысами, снежные вершины которых белели вдали на голубом своде небес. Лодки стояли неподвижно, и бедные путешественники поняли, что случилось то, чего они страшились всего более: они попали в ледяную западню.

ГЛАВА V.

Победа над врагом.—Еще раз в плену.—Возвращение к северу.—Безумное решение.

Пять долгих суток маленькая флотилия простояла неподвижно в своем ледяном плену. Несчастные путешественники чувствовали, как ими овладевает отчаяние. Какая участь ожидает их, когда солнце скроется за горизонтом и настанет страшная полярная ночь, беспросветная тьма? Ждать—это значит неминуемо погибнуть, и все понимали это. Поэтому было принято героическое решение: паровая лодка должна проломить только что образовавшийся лед и проложить себе дорогу. К великой радости путешественников, этот план удался, и они вырвались в открытое море. Но солнце уже очень низко поднималось над горизонтом; надвигались зловещие полярные сумерки.

Путешественников поддерживала надежда добраться до острова Литтльтона, до которого им оставалось в его 25 миль, и где они надеялись встретить корабль, который по условию должен был стоять там, если не успеет пробраться к форту. С этой надеждой они бодро пустились в путь.

К несчастью, по близости того места, где они находились, был маленький островок, названный именем знаменитого американского писателя Вашингтона Ирвинга. Путешественники знали, что на этом острове капитан Нэрс устроил целый склад провизии в 1875 году и рассчитывали найти, чем поживиться. Действительно, они нашли много припасов, между прочим боченок американских пикулей ¹⁾, что было им особенно приятно, так как пикули могли служить приправой к мороженному мясу, составлявшему их единственную пищу.

Польстившись на это лакомство, путешественники сильно запоздали и жестоко поплатились за это. Наступила темнота, задул очень сильный ветер, плавание сделалось опасным; они решили провести ночь у самого берега и пуститься в путь с появлением первых лучей солнца.

Но утро готовило им страшное разочарование. Как только солнце скрылось за горизонтом, воды залива, в котором находилась флотилия, превратились в неподвижные ледяные скалы. Проснувшись, несчастные путешественники увидели, себя снова в ледяных оковах и на этот раз уже таких, которые разбить было невозможно. Приходилось ждать, пока сама природа освободит их от своих ледяных объятий, так же внезапно, как внезапно

¹⁾ Маленькие огурчики, маринованные в уксусе с красным перцем.

она их захватила. В ожидании этого придумали соорудить высокую колонну у входа в залив и вывесить на ней американский флаг, который должен был служить сигналом проходящему судну о том, что тут, по близости, находятся люди, нуждающиеся в помощи. Станным образом, бедняки все еще не теряли надежду, что судно должно пройти мимо; даже больше — они были теперь почти уверены в этом!

Конечно, это были несбыточные мечты. Никакое судно не показывалось, но несчастным часто казалось, что они слышат крик часового: „американское судно!“ и они вскакивали со своих холодных постелей и вперяли взоры вдаль, смутно надеясь разглядеть судовые огни. Но нет, ничего не было видно, кроме хаоса льдов и страшной, мертвой, ледяной пустыни!

Между тем, природа, действительно, разрушила ледяные оковы, удерживавшие флотилию в неподвижном положении. Однако бедным узникам от этого не стало легче. Лодки их были плотно закованы в громадной льдине, которая отделилась от берега и поплыла к юго-западу. Сначала это было недурно, так как льдина неслась по направлению к мысу Сабин, куда именно и хотели попасть наши путешественники. Но скоро положение сделалось невыносимым, так как давление льда с каждою минутой увеличивалось. Лодки трещали и ежеминутно грозили превратиться в щепки. Они были слишком тяжелы, так что их

невозможно было втащить на поверхность льдины, и, когда льдина переменяла направление, Грили принял отчаянное решение. Мыс Сабин уже виднелся вдали и до него надо было добраться во что бы то ни стало. Грили решил бросить две лодки, застрявшие во льдине, в том числе и паровую лодку, и, захвативши две другие, попробовать добраться до мыса Сабин.

Это было безумное решение: бросая лодки, путешественники должны были бросить добытые ими с таким трудом запасы и обрекали себя на все ужасы голодного бедствия.

Но обезумевшие от отчаяния и потерявшие голову люди не сознавали этого. Они разломали обе лодки, лучшие в своей флотилии, и стали строить из них сани, на которых решили увезти лишь самое необходимое количество съестных припасов, оставив все, что признавали лишним, на произвол судьбы.

Это была роковая ошибка, за которую им пришлось страшно поплатиться.

ГЛАВА VI.

**Движение льда. — Сани бросают. — Мыс Сабин удаляется. —
Лагерь потерпевших крушение. — Лыдина разлетается
в куски. — Отчаянная попытка.**

Преобразование двух лодок в сани совершилось очень быстро. Люди работали с какою-то особенною лихорадочною торопливостью, разбирая по частям и ломая свои лодки, явно стараясь работой заглушить в себе чувство тревоги и отчаяния. Как ни старались они убедить себя, что не все еще потеряно, но это им не удавалось. Удаляясь от того места, где оставался остов паровой лодки, они несколько раз обсрачивались, с тоскою смотря на нее, как будто, расставаясь с нею, они расставались и со всеми своими надеждами и мечтами.

Медленно подвигались вперед несчастные путешественники, которых теперь скорее следовало бы назвать скитальцами. Дорога была необыкновенно трудна, это был какой-то хаос льдин, нагроможденных друг на друга в ужасном беспорядке. Масса рывин, скрытых под снегом, делала переход особенно опасным, так как путешественники

проваливались в них иногда по самый пояс. Протащившись, таким образом, несколько дней, они решили, что их задерживают большие тяжелые сани, построенные ими из досок разрушенных лодок. На этих санях они везли единственную оставшуюся у них лодку, на которой они могли совершить переход по морю. Как только эта мысль явилась у них, они немедленно пришли к решению, что надо бросить сани, вместе с лодкой, так же, как они бросили своих собак в форте Конгер, как они бросили паровую лодку и съестные припасы. Ими овладело точно какое-то безумие, заставлявшее их добровольно лишать себя всего, что могло бы служить к их спасению, и обрекать себя на верную гибель.

Принеся эту последнюю жертву, путники ускорили свои шаги по направлению к мысу Сабин, красноватая верхушка которого уже ясно виднелась вдали. Они были убеждены, что там их ждет спасение, и стремились достигнуть этой желанной точки, откуда они могли бы пробраться к обетованной земле—острову Литтл-тону, месту остановки американских судов. Но каков был ужас несчастных, когда они вдруг заметили страшный факт: лед, по которому они шли, повидимому, был неподвижен; а, между тем, он мало-по-малу отделился от земли и начал удаляться от мыса, к которому с такою надеждою обращались их взоры. Подвигаясь с величайшим трудом по страшному неровному ледяному полю, путешественники под-

держивали себя одной надеждой, что избавление недалеко. Теперь и эта надежда должна была исчезнуть и, мало того, они скоро открыли страшную истину, что льдина несется к северу, к полюсу, и так быстро, что скоро должна исчезнуть для них всякая возможность возврата. Тут только им ясно представилось все безумие их поведения: только безумие могло заставить их бросить форт Конгер, где им не угрожала никакая опасность!

В первый момент несчастные были так поражены своим открытием, что лишились всякого мужества. Но Грили и доктор Пави скоро овладели собою и постарались приободрить своих товарищей, рассказывая им разные случаи неожиданного спасения путешественников.

Так как ночи становились все холоднее, хотя днем температура и не спускалась много ниже нуля, то Грили решил устроить снеговые хижины, вроде эскимосских, которые могли бы служить убежищем на ночь. И путники были так страшно утомлены, что первую ночь после сооружения хижин проспали как убитые, забыв о всех своих невзгодах и мучениях.

А мучений они испытывали не мало. Самое худшее было сознавать свое бессилие и ежеминутно ожидать гибели. Они знали, что если льдина будет продолжать свое движение, то им угрожает страшный призрак голодной смерти, так как запасов у них оставалось чрезвычайно мало. И у них не было никаких средств предупредить это!

Такое положение продолжалось несколько дней. Вдруг разразилась сильнейшая буря; ураган, сопровождавшийся страшною снежною мятью, свирепствовал целых восемь дней, в течение которых путешественники безвыходно сидели в своих хижинах, не видя ничего, что происходит кругом, и только прислушиваясь к страшному завыванию мятеля и зловещему треску льдин. Запасы провизии так быстро уменьшались, что пришлось сократить на половину ежедневную порцию каждого.

Между тем льдина продолжала свой путь и вдруг, после множества поворотов, она ринулась на льды, окружавшие пустынный и скалистый остров Бреварт.

Удар был так силен, что всем казалось, будто наступила их последняя минута. Даже Грили, в первый раз, лишился самообладания. Его больше всего испугала мысль, что погибнет тетрадь, куда были записаны им все наблюдения, произведенные в форте Конгер. Он берег эту тетрадь все время, как самую большую драгоценность и, кажется, его больше озабочивала судьба тетради, нежели его собственная.

Льдина разбилась и тысячи отлетевших от нее кусков частью поплыли дальше и исчезли из виду, частью же образовали у берега род вала, затруднявшего к нему доступ. Оставался небольшой кусок, на котором находились наши несчастные путешественники, но и он, видимо, уменьшался, — путешественники поняли, что медлить невозможно;

им надо было, несмотря на все препятствия, обратиться на твердую землю. Для этого понадобились почти нечеловеческие усилия, но они увенчались успехом, и как раз в тот момент, когда путешественники, наконец, вскарабкались на вал, льдина, служившая им так долго убежищем, разлетелась в мелкие кусочки и исчезла под водой. У всех вырвался единодушный крик ужаса.

ГЛАВА VII.

**Посещение мыса Сабин.—Памятник.—Они покинуты!—
— Присутствие духа доктора Пави.**

Несмотря на страшные испытания и опасности, выпавшие на долю злополучной экспедиции Грили, состав ее не уменьшался, и все были здоровы и невредимы, когда 25 сентября 1883 года они, избежав второй гибели, взобрались на замерзшую почву одного из островов великого полярного океана.

Прошло уже 50 дней с тех пор, как они бросили форт Конгер и пустились в рискованное и опасное путешествие, под влиянием горячего желания поскорее увидеть родину. Несмотря на почти нечеловеческие усилия, они подвигались так медленно, что проходили в сутки всего лишь около шести верст и за все время подвинулись к югу не более как на 75 миль. Если бы льдина не разбилась в бухте Борда, у острова Бреварта, они были бы оттеснены еще дальше к северу, и результаты их усилий оказались бы еще печальнее.

Берег, на который высадились наши путешественники, имел очень унылый вид, он был точно

вдавлен между двумя ледниками, соединившимися к западу с угрюмою снежной вершиной, которая заслоняла от несчастных путешественников последние лучи умирающего солнца.

Первою мыслью путешественников, когда они очутились в этой холодной, безмолвной могиле, было организовать экспедицию к мысу Сабин, откуда можно было видеть остров Литтльтон, где как они были уверены, их ждала помощь, — корабль, который должен был доставить им пищевые припасы и вести с родины. Локвуд, сержант Райс и эскимос Уенс были выбраны для этой экспедиции и немедленно отправились в путь, взяв с собою немного провизии. Другие, считавшиеся лучшими охотниками, отправились в поиски за какою-нибудь дичью, остальные, под руководством Грили и доктора Пави, немедленно принялись за сооружение жилища, которое могло бы служить для них убежищем от ночной стужи.

Локвуд и его спутники подвигались очень бодро несмотря на трудный путь и препятствия на каждом шагу. Они шли, окрыляемые надеждой, особенно Локвуд, который был твердо уверен, что они увидят так долго ожидаемый корабль у острова Литтльтона.

Он заранее радовался при мысли о свидании со своими соотечественниками, о том, что получит письма с родины, от матери и молодой жены, а, быть может, и фотографическую карточку своего маленького сына, которого он оставил еще в пленках. Его радостное возбужде-

ние действовало заразительным образом на его товарищей, и потому все трое шли так быстро, как никогда.

Наконец, они увидели издали у самого берега моря груды камней, на которой возвышалась мачта, с приделанным к ней боченком. Этот боченок, очевидно, служил почтовым ящиком, так как он поставлен был таким образом, что мимопроходящие корабли могли бы бросать в него письма. Путники поспешили туда, Локвуд притянул боченок к себе и, опустив в него руку, вскрикнул от радости: он вытащил целую груды запечатанных конвертов. Спутники подхватили его радостный возглас, и громкие крики: ура! нарушили безмолвие ледяной пустыни.

Но Локвуд, вытащив письма, почувствовал вдруг такой приступ слабости, что не в состоянии был держаться на ногах. Товарищи подхватили его и бережно усадили на льдину. Он держал письма в дрожащих руках, не решаясь их распечатать, какое-то страшное предчувствие сжимало его сердце. Наконец, он сделал над собою усилие и разорвал конверты. С безмолвным трепетом следили за ним его товарищи, не решаясь задавать ему вопросов, они видели, что руки его дрожали сильнее, что из глаз его катились слезы, и смертельная тревога охватила их.

Действительно, то, что прочел Локвуд, было ужасно. Он узнал, что о них вовсе не забывали на родине, как они это предполагали в форте Конгер,

но, повидимому, какая-то роковая судьба тяготела над ними, и все обстоятельства, точно нарочно, складывались таким образом, чтобы их погубить. Согласно условию, в 1882 году, был послан в Конгер корабль „Нептун“, но командир его оказался совершенно неспособным, беспечным человеком, совсем не сознававшим важности возложенной на него миссии. Он встретил препятствие в проливе Смита и, так как не мог пробиться через лед, решил, что его миссия кончена. Он не подумал перезимовать в Литтльтоне и стремился только к тому, чтобы поскорее вернуться в Америку и, оставив немного провизии в кладовой Литтльтона, тотчас же пустился в обратный путь.

На следующий год, вместо одного, были отправлены два корабля и, между прочим, тот самый „Протей“, который два года тому назад так благополучно доставил экспедицию в форт Конгер. Но на этот раз плавание далеко не было таким счастливым, и „Протей“ раздавило льдом, причем он так быстро пошел ко дну, что его экипаж едва успел спастись и был подобран другим пароходом, капитан которого также почему-то решил, что случай этот избавляет его от обязательства непременно идти в форт Конгер и что ему надо заботиться только о том, чтобы доставить потерпевших крушение на родину.

Вот вследствие такого небрежного отношения к своим обязанностям людей, на которых было возложено поручение доставить подкрепление ко-

лонистам,—эти несчастные колонисты оказались оставленными, брошенными на произвол судьбы, на жертву медленной смерти от голода и холода в ужасной ледяной пустыне, вдали от родины, вдали от близких.

Но самое ужасное было то, что ни первый корабль, не добравшийся до форта Конгер, ни второй—не позаботились устроить склады провизии на обоих берегах пролива. В полярной кладовой острова Литтльтона, видневшегося вдали, находились припасы, а список всего, что было оставлено обоими кораблями, положен был в почтовом боченке, и теперь точно поддерживал несчастных, измученных, голодных и доведенных до последней степени отчаяния путешественников, ясно увидевших, что исчезла их последняя надежда на спасение. Добраться до острова Литтльтона они не могли, потому что у них не было лодки. Им нечего было подавать сигнал, так как у Литтльтона не стоял корабль, как они рассчитывали. Но все-таки там, на Литтльтоне, для них заключалось спасение, там были запасы провизии, которые дали бы им возможность просуществовать зиму. И они видели издали это спасение и сознавали свою полную беспомощность и бессилие. Трое мужественных людей, никогда не отступавших перед опасностями, упали на колени и громкие рыдания огласили полярную пустыню.

Наступила ночь, черная, мрачная, холодная, которую несчастные провели в мрачных размыш-

лениях, плотно прижавшись друг к другу. Как только показался рассвет, они вскочили и отправились в обратный путь. Но великий двигатель, надежда, более не поддерживал их, и потому они еле передвигали ноги, с ужасом думая о том, как они сообщат ужасную весть своим товарищам.

В лагере, между тем, их ожидали с понятным нетерпением. Охотники вернулись, не повстречав никакой дичи, ни даже белых медведей, и это служило явным доказательством, что кругом была самая ужасная ледяная пустыня, куда не заходило ни одно живое существо. Призрак голодной смерти уже виднелся несчастным путешественникам, и их только поддерживала надежда на удачный исход экспедиции Локвуда.

Было уже темно, когда Локвуд со своими товарищами подошли к лагерю. Локвуд был очень рад этому; он надеялся, что темнота поможет ему скрыть несчастье от всех остальных и сообщить его только Грили и доктору Пави: он опасался страшного приступа отчаяния, который мог бы овладеть людьми. Втроем они обсудят, как постепенно приготовить своих товарищей к страшному разочарованию. Но план Локвуда не удался. Его обступили и засыпали вопросами: „Видели ли они корабль? Как он называется? Поняли ли их сигналы? Скоро ли явится помощь?“ Локвуд не знал, что отвечать, он путался; но эскимос Уенс, несмотря на то, что едва владел английским языком, предупредил его и выдал страшную тайну.

Трудно описать то впечатление, которое произвело это открытие. Наступила минута гробового молчания и затем послышались вопли и рыдания несчастных, только что выслушавших свой смертный приговор.

Первым овладел собой доктор Пави. Он не потерял присутствия духа и изумительной находчивости и сумел ободрить своих товарищей.

— То, что мы узнали, без сомнения ужасно, — сказал он, — но я, со своим товарищем, путешественником Густавом Ламбертом, пережил еще и не такие ужасы во время наших странствований в полярных странах. И мой добрый друг и товарищ погиб не во время этих странствований, не от голода и измены, а от прусской пули, которая пробила ему грудь на стенах Парижа, во время осады. Если мы ничего не находим на земле и в воздухе, то ведь у нас есть море и наши товарищи-эскимосы поохотятся за тюленями. От Литтльтона нас отделяет не очень широкий пролив. Как только он замерзнет, мы перейдем через него на санях и добудем запасы, оставленные там кораблями. У нас будет хлеб в изобилии и все припасы, список которых имеется у нас в руках, и эта зима пройдет так же благополучно, как и предшествовавшие.

— Доктор прав, — прибавил Грили, которому эти слова вернули все его мужество и самообладание. — Но в ожидании, пока замерзнет пролив, мы не должны все-таки сидеть, сложа руки. По

пробуем отправиться к мысу Сабин как можно скорее: там находятся кладовые и, пожалуй, там можно найти больше, чем мы думаем.

— Я готов немедленно же отправиться туда, — воскликнул с живостью Локвуд, — у меня нет полного списка того, что там находится, но мне помнится, что там должен быть спрятан ящик с лимонным соком...

Странным образом эти слова подействовали как-то особенно ободряюще на несчастных, внезапно перешедших от мрачного отчаяния к надежде. Локвуд заметил это действие и, желая еще более усилить его, прибавил, что на мысе Сабин должна также находиться лодка и, если им удастся найти ее, то они могут отправить экспедицию к острову Литтлтон, не дожидаясь, пока замерзнет пролив.

Благотворное действие этих слов немедленно выразилось в том, что люди снова охотно принялись за работы, трудные, но необходимые для того, чтобы сколько-нибудь обеспечить себе защиту от страшной стужи надвигающейся полярной зимы. Кроме того, труд всегда поддерживает известную бодрость духа и отвлекает человека от горьких мыслей, не допуская его поддаваться унынию. Так как Грили решил перенести стоянку на другое место, более удобное и защищенное, то работы было немало; но все охотно исполняли ее, возбуждаемые мужественным примером самого Грили, Локвуда и доктора.

ГЛАВА VIII.

Новое разочарование.— Лодка, служащая вместо крыши.—

Устройство лагеря.— Как бы отогреться!— Без огня.

Место, выбранное Грили для устройства лагеря, действительно, было гораздо удобнее того, где раньше устроились наши путешественники. Оно находилось у подошвы южного склона большой горы, защищавшей от северного ветра. Когда все скудное имущество путешественников было перенесено на новое место, Грили объявил, что он называет эту стоянку „лагерем Клей“ в честь американского сенатора, который так же, как и Конгер, очень интересовался полярными экспедициями.

Совершив свое переселение в лагерь Клей, путешественники, как будто, снова ожили. В их душе опять затеплилась надежда. Локвуд отправился к мысу Сабин за лодкой, которую надеялись там найти. В этой лодке заключалось все их спасение, так как она должна была доставить возможность перебраться на Литтлтон и добыть там провизию.

Работы по устройству лагеря помогли путешественникам скоротать время ожидания. Наконец,

вдали показались возвращавшиеся товарищи. Взоры всех давно устремились в их сторону. Локвуд и его спутники, действительно, тащили за собою какую-то тяжелую массу, но, к удивлению, они вовсе не имели веселого, бодрого вида победителей и шли как-то понуря голову.

Сердца ожидающих сжались от горестного предчувствия. Действительно, их ожидало новое печальное разочарование. Лодка была найдена, но она никуда не годилась: в ней зияла громадная дыра, заделать которую они не могли, так как у них не было ни гвоздей, ни плотничьих инструментов.

Опять-таки доктор Пави нашел слова утешения для этих несчастных, на которых судьба не переставала сыпать свои удары. Он заговорил о том, что негодная для плавания лодка, все-таки может им пригодиться: она может служить крышей для их хижины и, конечно, составит лучшую защиту от холода и непогоды, чем парусина палатки. Доктор Пави обладал особенным даром красноречия; его слова всегда действовали на людей, и на этот раз его речь также приветствовали громкими криками „ура!“

Все с большою энергией принялись за устройство хижины, стараясь усиленною работой заглушить горькое чувство разочарования. Дыра в лодке была заткнута тряпками и опрокинутую лодку укрепили в виде свода на камнях. Стены сделали из снега, а двери завесили парусиной. Хижина

была готова. Она была очень похожа на хижину эскимосов, но имела то преимущество, что была просторнее, и воздух в ней не мог быть так испорчен, как это обыкновенно бывает в хижине эскимоса.

Пол хижины был устлан другим куском парусины, на который свалили все тряпье, одежды и шкуры, какие только нашлись у путешественников, затем сверху они положили свои спальные мешки, куда они залезали, чтобы сколько-нибудь укрыться от холода, они не могли позволить себе роскоши разводить огонь для отопления и не могли даже варить себе пищи, а только чуть-чуть оттаивали свои скудные припасы, когда наступало время еды.

Масла для освещения у них также оставалось очень мало, и они должны были беречь его, лишь изредка разрешая себе зажечь фонарь, чтобы оглянуться во время мрака полярной ночи. Но и это удовольствие отравлялось страшно едким дымом, который распространялся от фитиля, приготовленного ими, за неимением другого материала, из мха. Однако, все же свет был им так приятен, что они много раз удерживались от искушения употребить масло в пищу и страшно берегли его. Обыкновенно они зажигали свою коптящую лампу на несколько часов в течение дня, и, при ее дрожащем, мерцающем свете, доктор Пави и Грили читали отрывки из старых газет, в которые были завернуты предусмотрительными моряками бутылки с лимонным соком, ящик которого, действительно,

нашелся у мыса Сабин. Эти давно устаревшие известия, касающиеся политической и частной жизни американцев, возбуждали интерес слушателей и служили темой для очень оживленных разговоров и даже споров, в пылу которых люди совершенно забывали и окружающую их ужасную обстановку и то, что факты, о которых они так горячо рассуждают, совершились уже давно, что о них, пожалуй, даже забыли на родине. Доктор Пави был в этих случаях просто незаменим. Его изумительная изобретательность помогала ему сочинять нехватящее начало статьи, или ее продолжение и пополнять все недостающие места. Благодаря ему несчастные обитатели ледяной конуры пользовались ежедневно несколькими светлыми часами.

Мысли всех, однако, были все-таки направлены к острову Литтльтону, где сосредоточивались все их надежды на спасение. Холод был уже очень силен, но все еще недостаточен для того, чтобы замерзла полоса моря, отделявшая их от обетованной земли. И несмотря на то, что они страшно страдали от холода, они только и помышляли о том, как бы мороз сделался сильнее.

ГЛАВА IX.

Решение Грили.—Обилие снега.—Эскимос находит памятник.—Помешательство Эллисона.—Возвращение.

Запасы уменьшались очень быстро, так что Грили, опасаясь, что скоро наступит настоящий голод, еще уменьшил ежедневную порцию пищи. Он объявил это решение своим товарищам, и все они безмолвно покорились, понимая, что от этого зависит спасение их жизни. Но, к несчастью, между ними нашелся один недобросовестный человек, по имени Джон, который стал потихоньку таскать запасы, делая это очень искусно, так что никто не замечал его воровства.

Грили, впрочем, так был занят своими мыслями, что ничего не замечал кругом. Он обдумывал очень важную и серьезную экспедицию, успех которой мог бы обеспечить существование колонии. Надо было пробраться к мысу Изабелла и добыть оставленные там в 1882 году запасы. Там, судя по имеющимся у Грили сведениям, должно было заключаться не менее 500 порций, которых при экономии могло хватить надолго.

Экспедиция была организована под командою Локвуда и состояла из сержанта Райса, Эллисона и эскимоса Фридриха, которому были поручены сани.

Путь был неровен и покрыт большими льдинами, нагроможденными друг на друга в сильнейшем беспорядке. Кроме того дул леденящий ветер, пронизывавший путников до костей и не дававший им возможности согреться даже во время ходьбы. Но, несмотря на это, они мужественно подвигались вперед и добрались, наконец, до мыса Изабеллы. Там они наткнулись на такое обилие снега, что долго не могли найти памятника, который был также погребен под снегом. Вероятно, они бы не нашли его, если бы не эскимос, отличавшийся, как все его соплеменники, удивительным чутьем. Он долго ходил взад и вперед, внимательно разглядывая, едва ли даже не обнюхивая снег, и вдруг испустил крик радости. Когда Локвуд и оба сержанта подбежали к нему, он указал им на какой-то предмет, видневшийся из-под снега. При ближайшем рассмотрении этот предмет оказался верхушкою мачты, покрытою ледяным футляром. Через четверть часа памятник уже был освобожден из-под своего снежного покрова, и в нем нашли указание, где устроена кладовая, оказавшаяся так близко, что добраться до нее уже не составляло никакого труда.

Запасы оказались все в целости и превосходно сохранились. Нагрузив ими свои сани, Локвуд и

его товарищи раскинули палатку и принялись за обед. Исполнив свой долг, они чувствовали себя в праве подкрепиться найденными запасами. Такого роскошного обеда они не едали с тех пор, как покинули форт Конгер. Это был настоящий праздник и, если бы не сильный холод, то путешественники чувствовали бы себя превосходно. Настроение духа у них было прекрасное, и Локвуд даже произнес маленькую речь и провозгласил тост за отечество, за великую американскую республику. Товарищи его подхватили с энтузиазмом этот тост и даже затянули охрипшими голосами американский гимн, звуки которого как-то странно раздавались среди безмолвия полярной ночи.

После пиршества путешественники улеглись спать и проспали, как убитые, до самого утра. Первым проснулся Локвуд и разбудил своих товарищей, так как пора было отправляться в обратный путь. Но прежде чем покинуть это место, Локвуд должен был вложить в памятник письмо, в котором была рассказана история экспедиции и указан путь, как ее найти. Надо было дополнить эти указания, и это было поручено Эллисону, у которого был хороший почерк. Пока товарищи его приготавливали сани к путешествию, Эллисон уселся и начал писать. При таком холоде это дело было очень не легкое; чернила замерзали и поэтому их надо было все время согревать у себя на груди. Поглощенный своей работой, Эллисон совершенно не замечал холода, и, только кончив ее, он почувствовал, что

с ним делается что-то неладное. Тем не менее он сделал над собою усилие и встал. Каждый шаг причинял ему невыносимые страдания. Он с трудом передвигал ноги, не толкал сани, а опирался на них и задерживал их движение. Наконец, когда вдали уже показалась бухта, он зашатался и упал. Локвуд, Райс и эскимос, отъехавшие дальше с саними, остановились, думая, что Эллисон поскользнулся, и ждали, пока он встанет. Но он не вставал. Тогда они подбежали к нему и, подняв его, поставили на ноги; но боль, которую ощущал несчастный, была так ужасна, что он не мог удержаться на ногах и снова упал со стоном.

Тут Локвуд понял, что случилось, и, стащив обувь с ног Эллисона, он принялся растирать их мерзлым снегом, чтобы восстановить кровообращение. К несчастью, было уже поздно: жизнь угасла в ногах. Пальцы обеих ног были темносинего цвета и совершенно нечувствительны, — очевидно, Эллисон должен был лишиться обеих ног.

В то время, как Эллисону растирали ноги, с ним совершилась какая-то странная перемена: глаза становились дикими и блуждающими, у рта появилась пена. Ясно было, что губительное действие холода распространилось на весь организм и повлияло на мозг. В то время как Локвуд с тоскою спрашивал себя, что ему предпринять, несчастный Эллисон пел, кричал, хохотал, призывал жену, детей и посылал им воздушные поцелуи. Окружающая обстановка исчезла для него; он пе-

ренесся воображением в одну из самых чудесных местностей в Коннектикуте, и ему казалось, что вокруг него растут роскошные цветы и что над ним блестит яркое южное солнце. Его речи и возбужденное состояние производили особенное потрясающее впечатление на его товарищей, и Локвуд не знал, на что ему решиться. Оставить его умирать одного в ледяной пустыне, хотя и среди очаровательных видений—на это не могли решиться ни Локвуд, ни его товарищи. Но как же доставить в лагерь? Он так страшно бился, что его пришлось силою взвалить на сани и привязать к ним.

Прикрыв больного парусиной, Локвуд и остальные двое потащили сани. Но увы! сани не двигались,—они были слишком тяжелы. Как быть? Вряд ли человек находился когда-либо в более затруднительном положении, чем Локвуд, которому предстояло решить ужасный вопрос, чем пожертвовать: жизнью ли несчастного, который в лучшем случае осужден будет влачить самое жалкое существование, или запасами, в которых заключалась надежда на спасение всех остальных?

Трудно было решить эту задачу, но Локвуд решил ее так, как повелевали ему долг и совесть. Нельзя было бросить несчастного на произвол судьбы, и поэтому Локвуд оставил запасы, приняв все предосторожности, чтобы их можно было легко найти, так как он рассчитывал немедленно отправиться за ними, как только доставит в лагерь несчастного Эллисона.

Выбрав удобное место около скалы такого странного вида, что ее нельзя было не заметить, Локвуд перенес туда все запасы и затем отметил по меридиану положение скалы; кроме того он устроил еще несколько примет: сосчитали количество шагов, отделяющее склад от разных мест, со всех сторон сняли геометрический план местности и т. п. Только исполнив это и уверенный в том, что он легко найдет склад, Локвуд подал сигнал к отъезду.

На этот раз сани, значительно облегченные, двинулись с места. Эллисон лежал сначала неподвижно, но потом с ним снова сделался приступ ярости. Он страшно метался, кричал и стонал, извергал проклятия и произносил разные безумные слова. Эхо повторяло его крики и проклятия, и они звучали каким-то особым зловещим образом, отдаваясь в окружающих ледяных скалах.

ГЛАВА X.

Бешенство Джона. — Буря. — Нет более пищи. — Смерть Райса. — Похороны. — Возвращение в лагерь.

Было уже темно, когда Локвуд с товарищами добрались до лагеря. Дорога была трудная, и они совершенно выбились из сил, таща за собою тяжелые сани. В лагере, однако, никто не спал от волнения; все ожидали возвращения Локвуда с припасами, и мысль об этих припасах еще более увеличивала приступы голода. Конечно, на бедного Локвуда и его товарищей посыпался целый град проклятий и ругательств. Какое они имели право рисковать жизнью всех остальных людей для того, чтобы спасти жизнь одного, все равно осужденного на страдания и самое жалкое существование? Если бы не вмешательство Грили, еще сохранившего влияние на подчиненных, и поддержка со стороны сержанта Райса и доктора Пави, Локвуду пришлось бы плохо. Особенно негодовал Джон, отличавшийся волчьим аппетитом. Его намеки и обвинения Локвуда в том, что он истратил запасы сам и, чтобы скрыть свою недобросовестность, бросил

все, что осталось, на дороге, к сожалению, встречали доверие у многих остальных. На все эти обвинения у Локвуда мог быть только один ответ: он должен теперь немедленно отправиться за оставленными на дороге запасами и доставить их в лагерь. Он так и сделал и, не отдохнув ни минуты, пустился в трудный путь. С ним отправился сержант Райс и эскимос. Когда трое путников отошли на довольно большое расстояние от лагеря, Локвуд, обернувшись к Райсу, сказал:

— Заметил ли ты, мой милый, какими глазами смотрел на нас Джон? Слышали вы его угрозы? Он бы охотно сожрал нас живьем!

По мере того, как путники, уже утомленные только что сделанным переходом, с трудом подвигались вперед по неровной дороге, ветер все крепчал и временами достигал такой силы, что путешественники должны были останавливаться и искать убежища в какой-нибудь впадине. К счастью для них, ветер дул с юго-запада и потому был не слишком холоден, а в противном случае, т.-е., если бы ветер дул с севера, путешественники скоро обратились бы в настоящие ледяные статуи.

Буря все не утихала и вследствие сравнительной теплоты ветра льдины курились, т.-е., от них отделялись целые массы паров, точно облака дыма. Благодаря этому изобилию паров, можно было наблюдать различные красивые оптические явления, зависящие от преломления и отражения лучей северного сияния, появление которого предшество-

вало буре. Эти явления, которыми не могли не любоваться Локвуд и его товарищи, несмотря на усталость и трудность своего положения, очень смущали сопровождавшего их эскимоса. Свет, так странно сверкавший и переливавшийся разноцветными лучами над его головой, был, по его понятиям, так же как и по понятиям всех его сородичей, предвестником больших несчастий. Эскимос никогда не решится пуститься в путь, заметив такие странные явления на небе.

Локвуда и его спутников, свободных от этих предрассудков, не смущало никакое предчувствие, когда они смотрели на очень красивую дугу красножелтого света, которая возвышалась над горизонтом и отражалась дрожащими полосами света в окружающих льдах и снежной равнине. Но как только погас этот свет, немедленно поднялась сильная метель. Снег падал в таком огромном количестве, что о дальнейшем путешествии не могло быть и речи. Путникам пришлось приютиться под скалою, так как иначе они рисковали быть погребенными в снегу. По расчету они находились на расстоянии не более версты от того места, где были оставлены Локвудом припасы, и, как только метель утихла, они тотчас же выбрались из своего убежища, чтобы продолжать путь. Но каково было их удивление и вместе ужас, когда они увидели, что вид окружающей их местности совершенно изменился. Они не узнавали ее. Наметенные в разных местах сугробы снега придавали этой местно-

сти совершенно другой характер и уничтожили все те приметы, благодаря которым путники отыскивали дорогу. Они не видели скалы странной формы, у подошвы которой были оставлены припасы; они знали, что склад находится где-то тут близко, но где? Вот роковой вопрос, который казался теперь неразрешимым. Очевидно, склад был погребен под одним из громадных сугробов снега. Нечего было и думать разрыть эти сугробы, тем более, что у них с собою не было никаких инструментов для такой работы, и несчастные путешественники еще раз сознали свое полное бессилие перед враждебными силами природы. Но они не хотели признать себя побежденными и с каким-то неистовым отчаянием продолжали свои розыски, особенно затруднительные потому, что ветер переменился, дул теперь с севера, и холод стал страшно резок; он проникал сквозь меховые одежды путешественников, и Локвуд говорил, что чувствует, как у него в жилах образуются льдины.

Вдруг Райс почувствовал какое-то странное оцепенение, которое все увеличивалось. Он делал над собою невероятные усилия, чтобы продолжать розыски; но после некоторых шагов упал, чтобы не вставать более. Его товарищи подбежали к нему, хотели его поднять; но он сказал им слабеющим голосом:

— Все кончено для меня... Думайте о себе... Ах, еслиб мы могли найти припасы!.. Увы! я не увижу ни жены, ни дочери... Я чувствую, мне

кажется, что вы будете счастливее меня... Вы передадите им мои последние слова.

Он остановился, не имея сил продолжать далее; но затем опять сделал над собою усилие и прошептал.

— Мои записки... возьмите... Отвезите в Америку... моей семье...

Все было кончено. Локвуд, видя, что Райс уже более не шевелится, вынул у него из кармана книжку, в которой заключались записки покойного и прекрасно составленные научные наблюдения. Это был драгоценный документ, который надо было сохранить во что бы то ни стало для пользы науки. Спрятав его у себя на груди, Локвуд с помощью эскимоса приступил к похоронам товарища. Завернув его в парусину, они прикрепили груз к его ногам и притащили его труп к краю пропасти, из глубины которой глухо доносился шум волн океана, и бережно спустили тело умершего товарища в бездну. При падении тела рушились льдины, громоздившиеся по краям бездны, и раздавался какой-то зловещий грохот, сопровождаемый сильным всплеском воды, а затем снова наступила обычная тишина.

Несчастные путешественники, потрясенные до глубины души смертью своего товарища и угнетаемые мыслью о своей неудаче, долго не решались отправиться в обратный путь. Они могли предвидеть, какой прием ожидает их в лагере, когда они вернутся без съестных припасов, за ко-

торыми они отправились. Но найти эти припасы уже было невозможно, и они понимали это, так что им ничего более не оставалось, как вернуться в лагерь. Тяжелое это было возвращение, и путь им казался еще труднее, чем тогда, когда они тащили за собою заболевшего Эллисона.

Действительно, плохо пришлось бы Локвуду и эскимосу, если бы Грили не сохранил еще достаточно нравственного влияния на своих людей, так как ярость Джона, на стороне которого оказались на этот раз многие из солдат экспедиции, не имела пределов. Не смея напасть прямо на Локвуда, он вымещал свою злобу на несчастном эскимосе, которого явно старался вызвать на какой-нибудь отпор, чтобы затем покончить с ним. Бедняга на своем ломаном английском языке говорил Локвуду:

— Он хочет из меня сделать труп!

ГЛАВА XI.

Героическая смерть эскимоса Уенса.—Доктор Пави находит креветок и съедобный лишайник.—Похититель ветчины. — Он сам себя выдал. — Угроза смертью вору за воровство съестных припасов.— Страшное открытие.

Трудно было найти более ужасную полярную пустыню, чем та, в которой находился лагерь Клей. Никогда ни одно живое существо не показывалось вблизи ее—ни птица, ни даже белый медведь. Воды океана были совершенно необитаемы, и колонисты не могли ничего в них найти. Убедившись в этом, они даже прекратили всякие поиски, и только эскимос Уенсь ни за что не хотел примириться с этим и продолжал свои странствования по берегу, все надеясь наткнуться на тюленя или моржа. Никто из его товарищей не решался пускаться в эти обследования морского берега, изрытого неровными льдинами и усеянного расщелинами, коварно скрывающимися иногда под снегом. Но эскимосу это было нипочем и на замечание, что он может провалиться в бездну, он отвечал:

— Лучше погибнуть сразу, чем умереть мало-помалу от голода!

Действительно, он не знал покоя и все бродил по берегу. Однажды судьба, как будто, сжалилась над ним: он увидел на льдине огромного моржа. Пустившись преследовать его, он с необыкновенною ловкостью, перескакивал со льдины на льдину, поощряемый восторженными криками своих товарищей, собравшихся на берегу посмотреть на его охоту. Казалось, цель была достигнута: морж свалился, сраженный пулею эскимоса, и теперь оставалось только добраться до него, что и сделал эскимос, перескочив на льдину, на которой лежал морж. Но, о ужас! Льдина подломилась, и моментально, прежде чем успели вскрикнуть стоявшие на берегу люди, охотник и его добыча исчезли в водяной бездне.

Долго несчастные колонисты бродили по берегу, тщетно ожидая, что море вернет то, что оно похитило. Но ожидания их были напрасны. Очевидно, и морж и охотник были отнесены течением совершенно в другую сторону, и нечего было надеяться, что волны прибьют их к берегу.

Конечно, такой случай должен был еще более увеличить мрачное настроение голодающих. Спасителем опять-таки явился доктор Пави. Ему удалось добыть из-под снега съедобный лишайник, и кроме того он придумал способ ловить крошечных креветок, которые водились у берега. Это помогло несчастным несколько утолить голод, но не надолго. Возобновившийся сильный холод лишил их возможности заниматься этою ловлей. Лишайник

также был уже весь истреблен. Съестных припасов в лагере оставалось уже так мало, что они раздавались самыми микроскопическими порциями и их берегли как самую величайшую драгоценность. Смотрителем съестных припасов был повар колонии Роберт, честнейший малый, который скорее умер бы сам, чем позволил бы себе воспользоваться хоть самою малою частицею общего достояния. Каков же был его ужас, когда он однажды заметил исчезновение куска ветчины, фунта в два величины. Он тотчас же потребовал, чтобы было произведено самое строжайшее расследование. Ключ от ящика, где хранились припасы, был у него, следовательно, кто-нибудь открыл этот ящик поддельным ключом. Кто же был этот злодей, так как покража съестных припасов составляла конечно, при существующих условиях, величайшее преступление?

Как только Роберт поднял тревогу по случаю этой покражи, то все лежавшие в своих мешках колонисты повскакали со своих мест, все, кроме Джона, который делал вид, что не замечает, что делается вокруг. Это было тем более странно, что все подозрения обратились против него. Джон давно уже обращал на себя внимание тем, что в то время, как его товарищи превращались в настоящих скелетов, он все-таки сохранил известную полноту и не имел такого страшно истощенного вида, как все остальные,

Гневные возгласы сделались настолько громкими, что Джон уже не мог более притворяться спящим. Поэтому он встал, потянулся и прежде чем кто-нибудь успел высказать против него обвинение, начал громко оправдываться. Но эти оправдания только усилили общее негодование против него, и даже его приятели, которые, поднав под его влияние, посягали вместе с ним на трупы умерших товарищей, теперь обратились против него. Их гнев еще больше усилился при мысли, что он один съел такой большой кусок ветчины, даже не поделившись ни с кем.

Но тут сама судьба выдала злодея. Его желудок не мог вынести такого большого количества пищи, и с Джоном сделался сильнейший приступ тошноты, прервавшей его оправдания.

Общее негодование достигло таких размеров, что, вероятно, с Джоном тут же покончили бы, если-б не вмешался Грили, который был так слаб, что почти уже не вставал. Услышав крики и яростные возгласы, он собрал все свои силы и дотащился к кучке волновавшихся людей. И так велико было все-таки нравственное обаяние этого человека, стоящего уже одною ногою в могиле, что моментально все стихли, когда он начал говорить. Он обратился к Джону и голосом, сохранившим еще свою твердость, сказал ему:

— Вы совершили страшное преступление и сами себя выдали. На этот раз я вас прощаю, но предупреждаю торжественным образом и вас и всех

других, что покража съестных припасов, в каком бы то ни было количестве, будет наказана смертью при первом же случае.

Все единогласно изъявили свое согласие на это. Грили написал это решение на бумаге, и все поставили под ним свои подписи.

Однако припасы, так строго сохраняемые, быстро исчезали; не оставалось сомнения, что скоро наступит момент, когда будет съеден последний кусок. Между тем приближалось лето; солнце стояло на небе довольно высоко, безучастно освещая людские страдания. Но люди дошли уже до такой степени отчаяния, что живительные лучи солнца более на них не действовали: несколько несчастных умерло от истощения и население лагеря быстро уменьшалось. В мае смертность приостановилась, так как доктор Пави нашел опять съедобный лишайник. Но скоро и эти запасы иссякли. Все настолько ослабели, что уже не могли хоронить своих умерших товарищей. Трупы их они с большими усилиями оттаскивали подальше и лишь сверху забрасывали снегом. Один только Джон все еще сохранял силы и точно желая загладить свою прежнюю вину перед товарищами, теперь охотно помогал им исполнять эту тяжелую обязанность, а иногда даже один делал это. Съестных припасов больше не было, и он не мог больше воровать, а поэтому Грили и другие удивлялись, что он не был так слаб и не имел такого истощенного вида, как они все. И вот однажды ночью

Роберт сделал страшное открытие. Мучимый голодом, он не мог заснуть и вдруг увидел, что Джон встал и потихоньку вышел. Роберт, у которого тотчас же явилось подозрение, немедленно пополз за ним. Каков же был его ужас, когда он вдруг увидел, что Джон пошел к могиле одного из товарищей, разгреб снег, покрывавший труп, и, отрезав кусок мяса, тут же съел его. Роберт едва удержался, чтоб не закричать. Но он побоялся, что Джон убьет его на месте и будет безнаказанно продолжать свое страшное дело. Поэтому он молча вернулся на свое место; но утром рассказал все Грили и другим. Чтобы проверить его слова, пошли осмотреть труп, и действительно увидели, что во многих местах мясо с него было срезано.

Джон не оправдывался, он мрачно выслушал страшное обвинение и только сказал:

— Вы тоже будете так поступать. Голод вас заставит...

Грили предложил судить Джона как за воровство съестных припасов, так и за людоедство. Приговор был вынесен единогласно. Роберт дрожащими руками зарядил ружье и выстрелил в своего товарища. Джон упал, обливаясь кровью.

— А теперь вы меня съедите!—проговорил он.

Это были его последние слова...

ГЛАВА XII.

В Америке.—Новая экспедиция.—Спасение.—Они не все умерли.

В Америке весь ученый мир волновался: ни в 1882, ни в 1883 году командиры судов, посланных в форт Конгер, не добрались до него, и об экспедиции Грили не имелось никаких известий. На следующий год тревога еще усилилась. Эскимосские охотники, вернувшиеся на остров Диско, рассказывали, что они напали на следы экспедиции, на брошенные подки и другие предметы. Некоторые из охотников видели даже людей на западном берегу пролива Смита.

Все это порождало подозрение, что экспедицию Грили постигла такая же участь, какая постигает большинство полярных экспедиций и что без того уже длинный список жертв северного полюса еще увеличился новыми именами. В виду того, что экспедиция два года подряд оставалась без всякой поддержки и вестей с родины, можно было заранее предугадать ее участь. Было очевидно, что у ее членов не хватило мужества выдержать третью зимовку в форте Конгер и чувствовать себя

совершенно оторванными от всего остального мира живых людей. Отважных путешественников, смело идущих навстречу всяким опасностям, сопряженным со странствованием в полярных странах, мысль об этих опасностях не могла, конечно, удерживать от попытки пробраться на родину. Было ясно, что они предприняли эту отчаянную попытку и изнемогли в борьбе с безжалостною полярною природой.

В Вашингтоне, в Нью-Йорке, где была организована злополучная экспедиция, ее судьба волновала все общество. Не было сомнения, что экспедиция постарается пробраться к острову Литтл-тону, где и должна была ожидать помощь. Между тем, посланные на помощь экспедиции суда не выполнили поручения и не только не добрались к форту Конгер, но не остались у острова Литтл-тона, где они должны были устроить сторожевой пост, согласно условию. Надежды экспедиции, таким образом, были обмануты и легко можно было предугадать последствия этого.

Все эти предположения и догадки—увы, справедливые!—о судьбе экспедиции так сильно волновали общество, что решено было как можно скорее организовать помощь. Два лучшие парохода американского флота были выбраны для этой новой экспедиции. К ним присоединился еще английский пароход и купеческое судно, нанятое для того, чтобы везти провизию и уголь.

Оборудование судов и приготовление их к трудному плаванью производилось с лихорадочной по-

спешностью, и уже в конце мая суда эти проникли в область вечных льдов. Плавание было особенно опасным, так как еще во многих местах море покрыто было сплошным льдом. Но командирам судов был отдан формальный приказ: победить или умереть! Они должны пробиться через лед во что бы то ни стало и употребить для этого все средства: разбивать лед тараном или взрывать его на воздух посредством мин. Командиры судов не могли, следовательно, вернуться домой, не доставив каких-либо известий об экспедиции Грили и не разыскав этой экспедиции.

Такая настойчивость американского правительства вызывалась, с одной стороны, чувствами гуманности, справедливости, с другой—желанием добыть результаты произведенных в форте Конгер научных наблюдений, которые не должны были пропасть для науки.

Плавание „экспедиции помощи“ было сопряжено с величайшими затруднениями, так как лучи солнца еще не успели произвести своего благотворного действия, и лед был местами очень крепок. Приходилось преодолевать препятствия на каждом шагу. Очень часто дорогу судам преграждали огромные ледяные горы. Надо было обходить их, так как пробиться через них было невозможно. Нередко одному из пароходов удавалось проложить себе ход во льду, но другие не могли следовать за ним, так как тотчас же по проходе его льды закрывали сделанный им канал. В кон-

це концов, оба парохода отстали друг от друга на довольно большое расстояние и поддерживали между собой сношения лишь посредством выстрелов. Впереди оказался пароход, находившийся под командою капитана Аша.

Достигнув мыса Изабеллы, капитан Аш с большим вниманием исследовал берег в подзорную трубу, но не нашел и следов человеческих существ. Тем не менее, у этого мыса должен был находиться памятник, в котором, быть может, хранились какие-нибудь сведения, касающиеся экспедиции. В виду этого капитан Аш спустил на воду паровую лодку, так как пароходу было бы опасно приближаться к этим грозным ледяным скалам.

Ожидания капитана Аша оправдались. Он нашел памятник и в нем письмо Ловкуда, вложенное туда во время его злополучной экспедиции за съестными припасами. В этом письме, как нам уже известно, была подробно рассказана вся история странствования экспедиции, с момента ее выхода из форта Конгер, и, кроме того, Локвуд присоединил к этому рассказу самые полные сведения о том, где находится лагерь Клей и как к нему пробраться.

Дрожащими от волнения руками капитан Аш разорвал конверт и принялся читать письмо. Чем дальше он читал, тем более усиливалось его волнение. Ему ясно представился весь ужас положения, в котором очутилась экспедиция Грили, попав в страшную ледяную пустыню. Как могли

несчастные пережить суровую полярную зиму среди грозных ледяных скал, не имея ни крова, ни припасов и без всякой надежды на помощь? Нет сомнения, что они погибли и погибли с ужасною мыслью, что их преступно покинули и забыли на родине. Какие страшные мучения они должны были испытывать в этой полярной пустыне, умирая от голода и холода среди мрака и безмолвия долгой полярной ночи, с мыслями о родине и близких, с которыми им не суждено было свидеться. У сурового моряка показались слезы на глазах, и картины, одна безотраднее другой, рисовались в его воображении. Но он сознавал, что не следует терять времени на бесполезные сетования о том, чего уже нельзя вернуть, и надо действовать немедленно и энергично: быть может, еще не поздно, еще удастся спасти кого-нибудь! Поэтому, не теряя ни минуты, он решил, не возвращаясь на корабль, следовать далее на своей паровой лодке в том направлении, которое так подробно указано было в письмах Локвуда. Нужно было только проломать льды, окружавшие тот берег, где находился шалаш злополучных путешественников.

Дав сигнал пароходу, означавший, что след экспедиции найден и что пароход должен отправиться вслед за паровой лодкой, капитан Аш пустился в путь. Однако, плавание это, хотя и не длинное, было сопряжено с особенно большими затруднениями и препятствиями. Прилив был усы-

пан массою льдин, хотя и небольших по своей величине, но с очень острыми краями и очень твердых. Сильные волны вздымали эти льдины, бросая их друг на друга, при чем раздавался такой страшный зловеющий треск, точно какие-то гигантские челюсти разламывали кости. Даже у храбрых моряков временами мороз пробежал по коже. Но капитан Аш, не обращая внимания ни на что, мужественно пробирался вперед среди этих льдин. Мог ли он думать о своей личной безопасности, в то время, как там, быть может, погибают люди от голода и холода? Ведь, в таких случаях минута промедления может стоить жизни человека.

Капитан Аш напряженно смотрел в подозрную трубу на высокий берег пролива. Вдруг он заметил какой-то предмет на одной из окружающих ледяных скал. Быть может, это белый медведь? Нет, это человек, это соотечественник!.. Подзорная труба задрожала в руках капитана; он ясно увидел американский флаг на остроконечной, замерзшей и покрытой снегом скале. Но вдруг этот флаг, показавшийся на несколько мгновений, исчез, точно упал. Капитан Аш с ужасом подумал, что помощь пришла слишком поздно. Быть может, несчастный погибающий, завидев паровую лодку, собрал последние силы, чтобы поднять знамя родной страны, и тут же упал, сраженный смертью, потому что его ослабленный лишениями организм не мог вынести радости?

Забывая все предосторожности, капитан Аш приказал своему машинисту увеличить ход лодки на сколько возможно. И, действительно, лодка понеслась стрелой, с грохотом раздвигая льдины. В то же время был дан свисток, долгий, резкий, пронзительный. Он должен был достигнуть до уха умирающих, там на скале—так, по крайней мере, рассчитывал капитан Аш. Ему все казалось, что лодка подвигается слишком медленно, и он поминутно приказывал подбрасывать уголь в топку парового котла, забывая совершенно, что котел может не выдержать давления пара и разорваться.

Нетерпение капитана было так велико, что как только лодка приблизилась к берегу, он, не дожидаясь, пока она окончательно остановится, соскочил на прибрежные льдины и начал быстро карабкаться вверх.

Взобравшись на скалу, капитан огляделся кругом. Никого! Но несчастный умирающий, истощенный последним усилием, употребленным для того, чтобы поднять флаг, увидел приближение соотечественника. Он лежал между двух больших камней, совершенно скрывших его от взоров, и, не имея более сил выползти из своего убежища, употребил все старания, чтобы крикнуть; этот крик был похож на какой-то странный стон, в котором трудно было признать человеческий голос.

Капитан Аш услышал этот странный звук и остановился. Опять и опять! Это не может быть обман чувств; где-то близко должен находиться

страдающий человек... Капитан Аш прислушался. Звуки были так слабы, что очень трудно было угадать их направление. Кажется, вот с этой стороны... Нет, с этой! На этот раз сомнения быть не могло. Перескакивая с камня на камень, капитан добрался до того места, откуда доносились странные звуки. На снегу, возле мачты, с плохо прикрепленным флагом, лежит, несомненно, какое-то живое существо. Капитану Ашу показалось, что оно шевелится, вот, как-будто, поднимает голову, двигает рукою...

— Ура!—воскликнул достойный капитан, подбегая к лежащему человеку.—По крайней мере, хоть этот жив!

Приподняв несчастного, капитан влил ему в рот несколько капель подкрепляющего питья. Никогда еще помощь не являлась так кстати. Действие напитка было настолько сильно, что умирающий приподнялся. В эту минуту к капитану подошел механик с паровой лодки. Это был сильный человек, обладавший крепкими мускулами. Капитан предоставил ему дальнейшие заботы о найденном человеке, а сам отправился искать других.

Он скоро приметил что-то в роде здания. Это была опрокинутая лодка, служившая крышей убежища несчастных. Вероятно, это и есть хижина лагеря Клей, явившаяся для несчастных холодной могилой.

— Можно ли, — подумал капитан, — надеяться найти в живых кого-нибудь из тех, кто в ней на-

ходил? Ведь, очевидно, там, на верху скалы, был еще самый крепкий, так как он мог выбраться на берег. В каком же состоянии должны находиться остальные, если они еще живы?

Эти мысли, волновавшие душу капитана Аша, казалось, придавали ему крылья, потому что он не шел, а мчался по направлению к хижине. Однако, несмотря на быстроту своего бега, капитан не мог не обратить внимания на предметы, попадавшиеся ему на пути. Нигде ни малейшего следа чего-нибудь съестного, ни малейшего кусочка угля; но зато обрывки одежды, сломанные компасы, барометры и термометры валялись в разных местах. Далее, пошатнувшиеся, грубо сделанные деревянные кресты, поставленные заботливою рукою переживших над могилами умерших товарищей. Некоторые из крестов уже повалились, и все это придавало особенно мрачный вид этому кладбищу среди полярной пустыни.

Капитан Аш заметил, что хижина находится не на том месте, которое указано было на карте Локвуда. Причина этого перемещения разъяснилась позднее. Первоначальное место для лагеря, выбранное Грили, действительно, было защищено скалами от пронизывающего ледяного ветра, так что, благодаря этому обстоятельству, внутренняя температура хижины не падала слишком низко. Но как только наступила весна, и первые лучи солнца растопили снег, покрывавший вершины скал, как на нее внезапно обрушились целые по-

токи ледяной воды, и несчастные не могли оставаться в ней.

Пришлось перенести жилище в другое место. Это было очень трудно, потому что люди сильно ослабели. Они не могли укрыть свою хижину как следует. Они устроили ее кое-как, и она почти не представляла никакой защиты от стужи, которая при конце зимы бывает не менее сильна, чем при начале.

Но несчастным, пережившим своих товарищей, уже было все равно. Они чувствовали, как исчезают их последние силы, и покорились своей участи. Казалось, даже способность к страданию у них притупилась. Только немногие из них сохранили настолько силы, что в состоянии были перебрасываться словами. Но мысли, которые они высказывали друг другу, вертелись около одного предмета: чья очередь наступит завтра? Кто будет последний, который переживет своих товарищей и останется непогребенным на берегу полярного океана, около беззвучного свидетеля ужасных страданий, перенесенных ими?

Изредка несчастные предавались воспоминаниям, и в их воображении проносились картины родного очага, родной страны. Горячие слезы капались по холодному лицу и замерзали на усах и бороде...

Сержант Ланг и Бренар, лежавшие рядом и сохранившие еще настолько силы, чтобы перебрасываться словами, вдруг приподняли головы. Оба

услышали какой-то странный непривычный звук, поразивший их. Что означает он? Спасение или смерть?

Быть-может, это рычание хищника, почуявшего добычу, или?.. Они не смели надеяться. Вероятно, им почудилось! Но нет, опять этот звук, еще более резкий и пронзительный. Внезапная надежда придала силы умирающим, они решили вместе как-нибудь выползти из хижин. При их слабости это было героическое решение. Но они не могли ждать неподвижно решения своей участи. Лучше уж один конец! Если это приближается хищник, то пусть он покончит с ними сразу.

Звук поразил не только двух сержантов: Грили, находившийся уже несколько времени в состоянии полного оцепенения, слегка приподнял голову и, как будто, прислушался. Остальные же не обратили никакого внимания: они были так слабы, что почти не шевелились.

Помогая друг другу, Ланг и Бренар едва дотащились до входа в палатку; но Бренар не в состоянии был вылезти из нее, а только с большим трудом приподнялся на коленях, чтобы посмотреть, что делается снаружи. Ланг был счастливее. Он не только выполз из палатки, но даже добрался до подошвы скалы. Он попытался вскарабкаться на нее, но, увы! силы ему изменили. Свалившись в изнеможении на землю, еще покрытую снегом, он обратил свои взоры к небу, точно с последнею предсмертною мольбою к солнцу, безжалостному и

ярко сверкавшему теперь на безоблачно-голубом небе.

И, странным образом, солнечные лучи точно вняли мольбам несчастного: они вдохнули в него новые силы. Не пробуя уже встать на ноги, он ползком пробрался к мачте, укрепленной на скале. У него было теперь одно только желание: поднять флаг. Пусть, когда он умрет, его тело найдут у подножия мачты, на которой будет развеиваться флаг американской республики.

Добравшись до мачты, Ланг прилег в изнеможении. Глаза его блуждали по поверхности моря, покрытого плавающими льдинами. Вдруг какой-то предмет на этой поверхности привлек его внимание. Он приподнялся на руках и стал всматриваться. Что бы это могло быть? Какой-то большой темный предмет двигался среди льдин. Может быть, это кит или кашалот, попавшие в эти широты? Но нет!.. Бедняга весь задрожал от внезапного приступа радостного волнения. Если зрение его не обманывает, то ведь там, на этом темном движущемся предмете, развеивается флаг и это, должно быть, американский флаг, флаг его родной страны.

Сделав невероятное усилие, Ланг поднимает флаг на мачте; но он не в состоянии укрепить его и через несколько минут падает в изнеможении.

Прикосновение теплых рук капитана Аша вывело его из оцепенелого состояния. Он слышал дружеские слова и хотел отвечать на них, но не

мог вымолвить ни слова. Он только открыл глаза и во взгляде его выразилось необыкновенное блаженство, когда он увидал перед собою форму американского морского офицера.

Несчастный сержант Бренар, не имевший сил выбраться из палатки, остался у входа, стоя на коленях и опершись руками в землю. Он с томлением прислушивался; глаза его были неподвижно устремлены на отдаленный горизонт.

Когда он увидал вдали фигуры людей, то ему хотелось крикнуть им, указать кратчайший путь. Но ни один звук не вышел из его стесненной груди.

Капитан Аш уже находился в виду палатки: но дорогу ему пересекал поток, который нельзя было перейти. Поэтому он пошел в обход и подошел к палатке с противоположной стороны. Он хотел приподнять парусину, но она так намерзла, что это было невозможно. Тогда он услышал слабый голос изнутри: „Разрежьте холст... скорее... я умираю!...“—говорил этот голос. Капитан Аш разрубил парусину и проделал настолько большое отверстие, что внутренность палатки сделалась видна. Он пролез в это отверстие и наткнулся на лежащего на земле Грили.

Этот был еще жив: он дышал и тихо шевелил губами. Капитан Аш бросился к нему, чтобы приподнять его и влить ему в рот несколько капель укрепляющего напитка. Два матроса, явившиеся вслед за ним, оказали ему энергичную помощь в приведении в чувство несчастных.

Однако капитан и его два матроса не могли думать о том, чтобы самим перенести всех спасенных на паровую лодку. Надо было ожидать помощи, и помощь эта не замедлила явиться. Пароход, повинуясь сигналам, данным паровой лодкой, отправился вслед за ней и, дойдя до места, спустил лодку с матросами и доктором, которые явились на подмогу товарищам.

Перенесение пострадавших не обошлось без больших затруднений. С некоторыми из них, под влиянием сильного волнения, сделался припадок умоисступления. Несчастные бились в руках матросов так, что их вынуждены были связать, чтобы перенести на лодку. Их преследовали разные видения и слова, которые они произносили в бреду, вызывали слезы сострадания у их спасителей.

С величайшей бережностью внесли на пароход и уложили страдальцев на приготовленные заранее койки. Вид их был ужасен, и они казались совершенными мертвецами. Но мало-по-малу жизнь пробуждалась в них под влиянием ухода и лечения: окоченелые члены вернули свою гибкость и скоро возвращенные к жизни получили способность говорить, чувствовать и сознавать свое спасение.

ГЛАВА XIII.

Возвращение.—Энтузиазм.—Свидание.—Заключение.

В тот момент, когда капитан Аш собирался отдать приказ к поднятию якоря, на горизонте показались два других парохода, посланные на розыски экспедиции. Тотчас же их уведомили сигналами о благополучном исходе поисков, и в ответ на это радостное известие последовал залп из артиллерийских орудий, эхо которого далеко разнеслось по ледяным скалам.

Все торопились высказать свое сочувствие и радость потерпевшим, по поводу их спасения; но бедные страдальцы были так слабы, что не в состоянии были отвечать иначе, как знаками. Однако доктора отвечали за их жизнь при бережном уходе, в котором, конечно, не было недостатка, так как пострадавшие возбуждали всеобщее участие.

Возвращение „экспедиции спасения“ было настоящим триумфом, омраченным лишь воспоминанием о погибших на мрачных берегах полярного моря, не дождавшихся помощи. Но все-таки шесть человек пережили ужасную зиму, и даже это счи-

талось чудом, так как в Америке почти уже не надеялись, что кто-нибудь из них остался в живых. Можно представить себе, как велика была радость в Нью-Йорке, когда телеграф доставил известие о том, что экспедиция Грили найдена и что не все ее участники погибли. Телеграмма была послана из Нью-Фаундленда, где уже находился корреспондент большой американской газеты „New-York Herald“, дожидавшийся возвращения экспедиции спасения. Он-то и послал сообщение о плавании экспедиции и о том, что шесть человек в лагере Клей найдены живыми. Эта телеграмма занимала целых шесть столбцов в газете, и в ней подробно описывалась горестная судьба экспедиции, так что, прежде чем пароходы подошли к берегам Америки, во всех ее городах уже были известны все подробности, касающиеся экспедиции Грили. Волнение было очень велико: описание трагической судьбы экспедиции возбуждало всеобщее сострадание и участие.

Между тем Грили и его товарищи, хотя и находились вне всякой опасности, все-таки были еще так слабы, что не могли подняться с коек. Силы восстанавливались очень медленно и, несмотря на близость возвращения на родину и свидания с родными, они все-таки находились в унылом настроении. Мысль о погибших товарищах не давала им покоя и отравляла им всякую радость. Тревожили их также мысли о том, что они найдут на родине. Ведь они так долго не имели никаких

известий о своих близких. Мало ли что могло случиться в такой длинный период времени?

Но на долю Грили выпала неожиданная радость. Как только в Америке было получено известие о его спасении, его жена немедленно выехала навстречу экспедиции и в одном из портов, куда зашли пароходы на пути своем в Нью-Йорк, она вошла в каюту, где лежал ее муж, слабый и изнуренный, одолеваемый грустными мыслями.

Он не поверил своим глазам, когда дверь каюты отворилась и в ней показалась какая-то женская фигура.

— Кто бы это мог быть?—подумал Грили.— Эта женщина напоминает мне жену.

Вероятно, это видение, подобное тем, которые рисовались в его расстроенном воображении, когда он умирал от голода в палатке лагеря Клей. Но нет, это не видение, это живое существо, это его жена: она протягивает ему руки, зовет его!.. Радость придала ему силы, он вскочил с дивана, на котором лежал, бросился в объятия жены и зарыдал, как ребенок.

Нам остается сказать уже немногое. Грили и его уцелевшим товарищам был оказан самый блестящий прием на родине. Все наперерыв осыпали их знаками уважения и внимания, стараясь вознаградить их за перенесенные страдания. Появление Грили на торжественном заседании ученого общества для поощрения наук, происходившем в Монреале (Канада), вызвало настоящий энтузиазм.

Слабый, исхудалый, едва держась на ногах, Грили вошел в залу, где собрались члены общества. Его приветствовали громкими восторженными криками, и только когда волнение немного улеглось, он начал читать свой доклад. Страдания, перенесенные экспедицией, все-таки не пропали даром, и это единственно только и служило ему утешением. Все наблюдения, произведенные с такою тщательностью в форте Конгер и представляющие интерес для науки, сохранились в целости. Инструкции, данные экспедиции международным конгрессом, были выполнены в точности. Наблюдения продолжались даже в лагере Клей, при самых ужасных условиях, до тех пор, пока хватало сил у несчастных возиться с инструментами и записывать. Последние записи были сделаны настолько дрожащею рукой, что их с трудом можно было разобрать.

Наука, без сомнения, обогатилась массою драгоценных сведений, касающихся полярной природы, и результаты, достигнутые экспедицией Грили в деле разъяснения тайн этой природы, без сомнения, были очень велики. Но велики были также и жертвы, принесенные ею, и еще немало жертв поглотил северный полюс, прежде чем, наконец, раскрыл свои тайны человечеству. В том, что тайны эти, рано или поздно, будут раскрыты, служил порукой человеческий гений. Никакие неудачи, несчастия, опасности и затруднения не могут служить для него задержкой. Мы знаем,

что история всех великих открытий включает в себе много подвигов самопожертвования и героизма; люди платились за свою смелость страданиями и даже жизнью; но это не устрашало других борцов, которые являлись им на смену.

В материальном отношении польза, конечно, очень невелика, но зато она велика в области науки. Благодаря этим экспедициям, открыт целый, неведомый дотоле, полярный мир и его обитатели; изучены морские и воздушные течения, исследованы многие метеорологические и магнитные явления, казавшиеся необъяснимыми. Эти экспедиции внесли свет в отдаленное прошлое земного шара и объяснили важные перевероты, которым он подвергался, указав, например, что Гренландия представляет остров и что некогда ее покрывали роскошные леса дубов, вязов и кленов.

Пошутки смелых полярных путешественников проникнуть к северному полюсу начались более ста лет тому назад, и с каждым разом люди проникали дальше в эту заповедную область. Наконец, в сентябре 1909 года распространилось известие, что полярный путешественник американец Роберт Пири достиг северного полюса. Сначала к этому слуху отнеслись недоверчиво, но он вскоре подтвердился и Пири представил доказательства того, что он первый ступил ногой на северный полюс.

Свое последнее знаменательное путешествие в полярную область (по счёту шестое) Роберт Пири предпринял в конце лета 1908 года и в апреле

1909 г. достиг той цели, которой добивался упорно и неустойчиво в течение 23-х лет. Свое первое полярное путешествие он совершил еще совсем молодым человеком и с тех пор, как он сам рассказывал, им овладела „арктическая лихорадка“. Он поставил целью своей жизни раскрытие тайн ледяных полярных пустынь.

Вот что он сам говорил о северном полюсе:

„Северный полюс—это крайняя точка северного полушария, то место на земле, где нет ни народонаселения, ни цивилизации. Это место, где нет ни севера, ни запада, ни востока, есть только юг. Там дует только южный ветер. Там только одна ночь и один день в году. Там полночь и полдень почти не отделяется друг от друга. Там все небесные светила движутся в горизонтальном направлении к земле и только одна полярная звезда видна над горизонтом. Она никогда не скрывается и все время кружится, слегка задевая горизонт“.

„Северный полюс был всегда высшей наградой для путешественников, к которой стремились самые отважные и предприимчивые люди всех национальностей.

Холод, темнота, тишина и голод—вот что встречает путешественников в полярных странах. Великая ночь—это самое грозное и самое мрачное явление полярной природы. Это нечто такое, что никогда не забывается полярными путешественниками... И все же, несмотря на все эти испытания и лишения, на холод и темноту, полярные страны

полны очарования и с незапамятных времен ни одна часть света так не приковывала к себе, как эта таинственная страна!..“

И разве не будет днем великой победы человеческого гения тот день, когда на земле не останется уже более ни одного места, недоступного человеку!...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	3

ГЛАВА I.

Отъезд.—Снаряжение судна „Протей“.—Экспедиция отправляется за доктором Пави.—Белый медведь.—Замечательная охота.—Форт Конгер	7
--	---

ГЛАВА II.

Развлечения в форте Конгер.—Первые осенние экспедиции.—Посещение могилы капитана Галля.—Собаки и сани.—Разбитые сани.—Одиночество.—Лед двигается. . .	25
---	----

ГЛАВА III.

Открытие острова Локвуд.—Оазис.—Восхождение на гору Альберт.—Покинуты.—Проекты Грили.—Новые экспедиции Локвуда.—Трудность положения.—Речь Грили . . .	33
---	----

ГЛАВА IV.

Отъезд.—Покинутые собаки.—Опасности.—Полярные кладовые.—В ледяной тюрьме	44
--	----

ГЛАВА V.

Победа над врагом.—Еще раз в плену.—Возвращение к северу.—Безумное решение	48
--	----

ГЛАВА VI.

Стр.

Движение льда.—Сани бросают.—Мыс Сабин удаляется.—Лагерь потерпевших крушение.—Льдина разлетается в куски.—Отчаянная попытка 52

ГЛАВА VII.

Посещение мыса Сабин.—Памятник.—Они покинуты.—Присутствие духа доктора Пави 57

ГЛАВА VIII.

Новое разочарование.—Лодка, служащая вместо крыши.—Устройство лагеря.—Как бы отогреться.—Без огня . 65

ГЛАВА IX.

Решение Грили.—Обилие снега.—Эскимос находит памятник.—Помешательство Эллисона.—Возвращение . . 69

ГЛАВА X.

Бешенство Джона.—Буря.—Нет более пищи.—Смерть Райса.—Похороны.—Возвращение в лагерь 75

ГЛАВА XI.

Героическая смерть эскимоса Уенса.—Доктор Пави находит креветок и съедобный мох.—Похититель ветчины.—Он сам себя выдал.—Угроза смертью вору за воровство съестных припасов.—Страшное открытие 81

ГЛАВА XII.

В Америке.—Новая экспедиция.—Спасение.—Они не все умерли 87

ГЛАВА XIII.

Возвращение.—Энтузиазм.—Свидание.—Заключение. . 101

ГЕОЛОГИЯ, ПАЛЕОНТОЛОГИЯ и ГЕОГРАФИЯ.

1. Вагнер, Ю. Рассказы о земле. (50)
2. " Рассказы о воде. (49)
3. Вальтер, И. Первые шаги в науке о земле. (53)
4. Гербертсон, А. Земля и труд человека. (19)
5. Гейки, А. Физическая география. (51)
6. " Геология. (52)
7. Елачич, Е. О происхождении птиц и о вымерших птицах. (54)
8. Елачич, Е. О вымерших животных (пресмыкающиеся). (61)
9. *Жадовский, Б. Э. Русская Сахара. (46)
10. Львов, В. Каменный уголь. (25)
11. *Михельсон, В. А. О погоде и о том, как ее можно предвидеть. (47)
12. Нансен, Ф. На крайнем севере. (35)
13. Павлов, А. П. Морское дно. (18)
14. Павлова. Ископаемые слоны.
15. *Павлов, А. П. Очерк истории геологических знаний. (2)
16. *Швецов, М. С. Откуда берется чугун и железо. (60)
17. *Шульга-Нестеренко, М. И. Снег и лед в жизни земли.

ФИЗИКА и ХИМИЯ.

1. *Ауэрбах, Ф. Пространство и время. Материя и энергия. (63)
2. Вагнер, Ю. Рассказы о воздухе. (48)
3. *Гюнтер, Г. Электротехник-строитель I и II. (43 и 62)
4. Гильом, Ш. Э. Начатки механики. (34)
5. *Кляссен, И. Двенадцать лекций о природе света. (38)
6. *Конобеевский, С. Т. Как плавают в воде и как летают в воздухе (5)
7. *Конобеевский, С. Т. Что такое радий. (11)
8. " Строение вещества. (64)
9. *Ленар, О. О принципе относительности, эфире и тяготении (критика теории относительности). (39)
10. Лермантов, В. В. О том, как работают машины и как рассчитывают их действия. (20)
11. *Нагель, А. Романтика химии. (58)
12. Роско, Е. Химия. (6)
13. *Тимирязев, А. К. Что такое физика и чему она учит. (4)
14. Тиндаль. Звук. (21)
15. *Шмидт, Г. Проблемы современной химии. (27)
16. *Эйнштейн, А. О теории относительности. (14)

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ:

1. *Анучин, Д. Н. Открытие огня и способ его добывания. (24)
2. Берен, М. Рассказы о борьбе человека с природой. (12)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Главное Управление □ Москва □ 1923